

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
по
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 11

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

ТОМ I

Под редакцией
Н. Н. ВОРОНИНА

Археология

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

киевского типа и шиферные пряслица;⁷⁹ 4) кладбище на горе Дитинка XII—XIII вв.,⁸⁰ расположившееся на месте более ранних городских построек XII в.

Сведения о городских кладбищах Киева XI—XII вв. неполны, и очевидно многие районы города, в том числе Подол, имели несколько таких кладбищ, о которых мы пока ничего не знаем.

Особую группу погребений составляют иноческие погребения в пещерах; они принадле-

⁷⁹ Т. Д. Кибальчич. Об уничтожении Ярослава. Газета «Жизнь и искусство», Киев, 1895, № 215, 229, 236.

⁸⁰ Рокопі 1930 р. у Києві на горі Дітинце (хроніка Археології та Мистецтва, Київ, 1931, т. III).

жали монахам киевских монастырей — Выдубицкого и Печерского, возникших в свое время как пещерные монастыри.

Тяжелая пора татарского нашествия оставила по себе память в Киеве в виде коллективных могил мужественных защитников города, завершающих собой историю древнего киевского некрополя. Коллективные могилы жертв татарского нашествия были обнаружены в разных частях Киева — на восток от Десятинной церкви,⁸¹ в усадьбе Трубецкого,⁸² на Кирилловской улице в б. усадьбе Марра.⁸³

⁸¹ В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 75.

⁸² И. Хойновский. Ук. соч., стр. 23.

⁸³ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ., Киев, 1895.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР № 11

А. В. Арциховский

РАСКОПКИ НА СЛАВНЕ В НОВГОРОДЕ

1

Археологическое изучение Новгорода Великого начато в 1932 г. на Славне. Раскопкам этого района посвящены были четыре полевых кампании: 1932, 1934, 1936 и 1937 гг. О каждой из них напечатаны предварительные сообщения,¹ итоги работ 1932 и 1934 гг. были подведены в особой статье,² но в целом раскопки из-за войны долго оставались неизданными; настоящая статья ставит себе задачи их публикации.

Термин «Славно» и термин «Холм» довольно часто упоминаются в летописи. Это почти синонимы, но нельзя считать их совсем таковыми, к чему некоторые авторы склоняются. Холм составлял, повидимому, часть Славна, но часть основную. В некоторых летописных упоминаниях Славно представляется довольно значительным районом.³ Но такие сведения сравнительно редки; в большинстве летописных известий со Славном связаны две церкви, позволяющие топографически уточнить эту территорию. Они стоят доныне рядом; это Илья на Славне и Петр и Павел на Славне, расстояние между ними всего 12 м. Илья связан летописцами со Славном двенадцать раз,⁴ Петр и Павел — семь раз.⁵ Другие церкви относятся к Славну лишь в виде исключения, а именно: Михаил (сравнительно близкий) два раза,⁶ Святые отцы (точное место их неизвестно) один раз,⁷ Иван один раз.⁸ Последнее

¹ О 1932 г. заметка А. В. Арциховского и М. К. Каргера, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1933, № 1—2; о 1934 г. заметка А. В. Арциховского, «Историк-марксист», 1935, № 1; о 1936 г. заметка А. В. Арциховского, сборник «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.»; о 1937 г. заметка П. И. Засурцева, «Историк-марксист», 1938, № 3.

² А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. СА, III, 1937.

³ ПСРЛ, III, 18, 43, 63.
⁴ ПСРЛ, III, 3, 26, 55, 127, 161, 172, 217; IV, 2-е изд., 445, 584, 592, 596, 618.

⁵ ПСРЛ, III, 133 (дважды), 217, 222, 229; IV, 2-е изд., 291, 294.

⁶ ПСРЛ, III, 18, IV, 2-е изд. 618.

⁷ ПСРЛ, III, 18.

⁸ ПСРЛ, IV, 2-е изд., 342.

упоминание свидетельствует о том, что один из летописцев просто отожествлял понятия «Славно» и «Славенский конец», так как названа церковь Ивана в Торгу, т. е. Ивана на Опоках, лежащая на противоположном краю названного конца; такое отожествление видно здесь и из всего контекста, но оно отнюдь не типично. Славно было лишь основным ядром конца, оно дало ему свое имя, однако топография этого обширного конца хорошо известна, в частности церквей там было много, и некоторые из них прямо связывают с ним летопись. У Славна летопись упоминает лесную пристань,⁹ это не противоречит намечаемой топографии, поскольку от обеих основных славенских церквей до Болхова близко, здесь и поныне пристают плоты. Одна из улиц в этом районе до сих пор носит имя «Славная улица», но направление ее, как и других улиц Торговой стороны, сильно изменено в XVIII в. Во всяком случае вблизи двух названных церквей всегда проходила, как и теперь, Ильинская улица, древняя Ильина, получившая свое имя по одной из них.

Местоположение Холма может быть по летописям определено еще точнее: церковь Ильи связана с ним восемь раз,¹⁰ церковь Петра и Павла — семь раз,¹¹ никаких других топографических указаний для него нет. Вторая церковь в двух из этих упоминаний именуется сокращенно: «церкви святых апостолов»¹² и «церковь святую апостолу».¹³ Однако в другой редакции первого известия Петр и Павел называны,¹⁴ а во втором известии двойственное число тоже устраняет все сомнения.

Слово «холм» надо понимать в буквальном смысле. Новгород расположен в ровной и низменной местности, среди нее небольшое возышение, на котором стоят две церкви, до сих пор представляется заметным холмом. Надо учсть и то, что культурный слой при раскоп-

⁹ ПСРЛ, III, 157; VI, 290.

¹⁰ ПСРЛ, III, 9, 24, 26, 47, 127, 217; IV, 2-е изд., 178, 592.

¹¹ ПСРЛ, III, 10, 21, 22, 214, 217, 229; IV, 2-е изд., 151.

¹² ПСРЛ, III, 21.

¹³ ПСРЛ, III, 22.

¹⁴ ПСРЛ, III, 217.

ках на Холме оказалось тоньше, чем в других районах города, из чего следует, что на заре новгородской истории разница в рельефе была больше. Предполагать здесь, как это делали норманисты, скандинавское слово «holm», остров, бессмысленно: назвать данную местность островом нельзя ни в каком смысле.

Писцовые и лавочные книги XVI в. неоднократно называют живущих на Славне садов-

ность древних срубов. Последующие раскопки, впрочем, доказали, что срубы в Новгороде хорошо сохраняются почти повсеместно. Во всяком случае избранный для первых раскопок участок более чем оправдал возлагавшиеся на него надежды — экспедиция возвращалась на Славно из года в год, работы там были прекращены только тогда, когда расширять раскопы стало некуда (рис. 1).

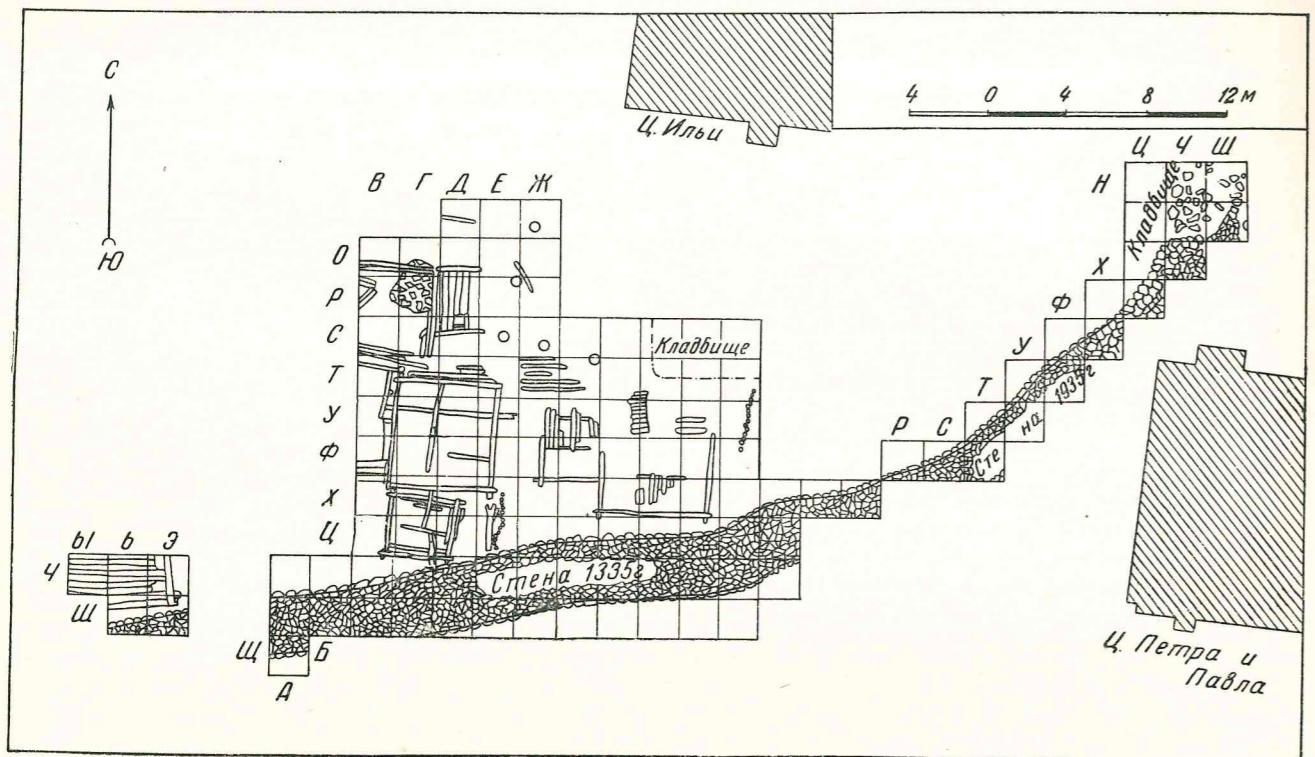

Рис. 1. План основного раскопа на Славне.

ников. Большинство упоминаний термина «Славно» связано в этих книгах с садовниками.¹⁵ Очевидно, там были большие сады, возникшие, надо полагать, раньше; от предыдущих веков подобные источники не дошли.

1

В 1932 г. экспедиция, осмотрев все новгородские пустыри, избрала для раскопок пустырь на Славне, в самом центре Холма, непосредственно прилегающий к обеим названным церквам. От церкви Ильи он находится на юг, от церкви Петра и Павла на запад. При выборе этого места имело значение еще одно обстоятельство. Рядом с этим участком, во время производившейся постройки, земляные работы установили хорошую сохран-

¹⁵ В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому. СПб., 1911, стр. 23, 122, 128, 132; Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому. СПб., 1912, стр. 51; С. В. Бахрушин. Лавочные книги Новгорода Великого. М., 1930, стр. 110, 187.

Раскопки были организованы Государственной Академией Истории материальной культуры и Государственным Историческим музеем (Москва). Начальником экспедиции все эти годы был А. В. Арциховский, научными сотрудниками в 1932 г. М. К. Каргер и Б. А. Рыбаков, в 1934 г. Б. А. Рыбаков и Л. А. Голубева, в 1936 г. А. Е. Алихова, А. А. Крайнов, А. Д. Маневский и С. В. Романовская, в 1937 г. А. Е. Алихова, С. В. Романовская и С. А. Тараканова. В 1932 г. в раскопках участвовали студенты Ленинградского Гос. университета, в 1937 г. Московского Гос. университета и Московского Гос. Педагогического института. Из студентов ЛГУ активными участниками экспедиции были А. Н. Рогачев и И. В. Щербаков, из студентов МГУ — М. А. Гинзбург, И. Г. Еремин, И. В. Лазарев, А. Б. Осповат и М. Г. Рабинович, из студентов МГПИ — К. В. Виноградов, П. И. Засурцев, А. Р. Корсунский, Х. А. Рубштейн и Г. Б. Трошков. Фотографом экспедиции был в 1932 г. С. Н. Аносов, в 1934 г. А. Ф. Яковлев, в 1936 и 1937 гг.

А. И. Смирнов. Большое содействие раскопкам оказал в 1932 г. главный механик новгородского водопровода А. Г. Бельдюгин, а в 1934, 1936 и 1937 гг. его преемник по должности Е. Н. Вантурин.

Намеченная для раскопок площадь для удобства дальнейшей работы была еще в 1932 г. разбита на двухметровые полосы, направленные с севера на юг, и на такие же полосы, направленные с запада на восток. Те и другие полосы были пронумерованы буквами русской азбуки от А до Я. Таким образом, единицей учета являлся раскопочный квадрат в 4 м², определяемый пересечением полос. Шифровка квадратов применялась, следовательно, двубуквенная: на первом месте при этом ставилась буква горизонтальной (на плане) полосы, а на втором месте вертикальной (например, TB). Двубуквенная шифровка четче и закономернее определяет квадрат, чем цифровая, всегда несколько случайная. Однако букв в алфавите слишком мало, а точные границы раскопа никогда нельзя предвидеть заранее. Поэтому данная система встретилась в конце концов с затруднением, которое надо здесь оговорить. В 1932 г. крайним западным пределом раскопок представлялась меридиональная линия A, поскольку к западу от нее лежит дорога городского водопровода, которую перерывать нельзя, и небольшой сад, который надо беречь (ни одно из его деревьев не срублено экспедицией, впоследствии они пережили войну). Однако открытая раскопками крепостная стена заслуживала быть прослеженной на запад от этой линии, что и было сделано в 1936 г.: мы пропустили 4 м дороги, а деревья остались в стороне. Раскопы, лежавшие к западу от линии A, трудно было шифровать: пришлось снова начать азбуку с конца, а во избежание смешений добавлять в каждом шифре букву A; таким образом получились трехбуквенные шифры (например, ШЭА). При последующих новгородских раскопках (с 1938 г. на Ярославовом Дворище) экспедиция вернулась поэтому к традиционным цифровым обозначениям квадратов.

ным цифровым обозначениям квадратов. Подавляющее большинство квадратов на Славне носили двубуквенные обозначения (упомянутых трехбуквенных очень мало). Все находки обозначались однородно: за наименованием квадрата следовала цифра, означавшая глубину: от 0 до 0.2 м — 1, от 0.2 до 0.4 — 2, от 1.8 до 2 — 10, от 2 до 2.2 — 11 и т. д. (например — *СЕ-4*, *ЦВ-6*, *ФМ-10* и т. п.).

Эти срезы, по 0,2 м каждый, назывались при раскопках пластами: соответственно 1-й пласт, 2-й пласт, 10-й пласт, 11-й пласт и т. д.

Все квадраты перед раскопками нивелировались. Отметки нивелировки делались для каждого метра. За нулевую точку был при этом принят правый верхний угол южной двери церкви Ильи на Славне. Все цифры получались отрицательные, от 164 (ОЖ) до 282

(ЧА). Большинство цифр было между 200 и 250. Данные эти в сантиметрах.

В 1932 г. вскрыты были прежде всего квадраты *ХВ*, *ХГ*, *ХД*, *ХЕ*, *ЦВ*, *ЦГ*, *ЦД*, *ЦЕ*, *ЧВ*, *ЧГ*, *ЧД*, *ЧЕ*, *ШВ*, *ШГ*, *ШД*, *ШЕ*. Все они вместе составляли один квадрат, площадью в 8×8 м; он, к счастью, сразу попал на каменную стену, давшую впоследствии основу для стратиграфических и иных выводов; рядом с ней оказались срубы. Для дальнейшего исследования стены затронуты были поверхностью квадраты *ЦЖ*, *ЧЖ*, *ШЖ*, *ЦЗ*, *ЦИ*, *ЦК*, *ЦЛ*, *ЦМ*; *ХН*, *ХО*, *ХП*. На этих квадратах работы тогда ограничивались снятием позднего верхнего слоя и определением северной грани кладки. Так уже тогда удалось определить значительную протяженность этого сооружения и кривизну его в плане.

В 1934 г. первой задачей было исследование срубов, прежде всего избы, затронутой перед этим частично. Для этого раскоп был расширен на север и вскрыты квадраты *СВ*, *СГ*, *СД*, *СЕ*, *ТВ*, *ТГ*, *ТД*, *ТЕ*, *УВ*, *УГ*, *УД*, *УЕ*, *ФВ*, *ФГ*, *ФД*, *ФЕ*. Они вместе опять составили квадрат площадью в 8×8 м. Избу удалось исследовать при этом целиком. Для исследования стены на западе взяты были квадраты *ЧБ* и *ШБ*, а на востоке опять поверхности затронуты квадраты *ФР*, *ФС*, *ФТ*, *УТ*, *УУ*, *ТУ*, *ТФ*, *СФ*, *СХ*, *РХ*, *РЦ*, *ПЦ*, *ПЧ*. Общее направление стены, идущей здесь резко на северо-восток, было тем самым определено окончательно.

В 1936 г. для выяснения стены на юго-западе были вскрыты сначала квадраты *ЧА*, *ША*, *ЩА*, а затем вышеупомянутые квадраты с трехбуквенной шифровкой, *ЧЭА*, *ШЭА*, *ЧБА*, *ШБА* и *ЧЫА*. Но основное расширение раскопок было и в 1936 г. на север, где взяты были квадраты *ПВ*, *РВ*, *ПГ*, *РГ*, *ОД*, *ПД*, *РД*, *ОЕ*, *ПЕ*, *РЕ*, *ОЖ*, *ПЖ*, *РЖ*. Здесь продолжено было изучение деревянных сооружений. Наконец, на востоке раскопки шли попрежнему вслед за стеной. Там вскрыты были квадраты *НЦ*, *ОЦ*, *НЧ*, *ОЧ*, *НШ*, *ОШ*, давшие, кроме стены, ряд интересных погребений. В 1936 г. все квадраты вскрывались целиком; поверхностное затрагивание некоторых квадратов (применявшееся в прежние годы для прослеживания стены) было признано ошибкой. Из затронутых таким образом в 1932 г. квадратов был в 1936 г. полностью вскрыт *ХН*, а рядом с ним, для изучения во всю ширину стены, *ЦН* и *ЧН*.

В 1937 г. раскопки на Славне происходили в двух местах: а) на том же пустыре, где и все предыдущие годы, б) на Посольской улице и Воскресенском переулке. На пустыре вскрыты были квадраты СЖ, СЗ, СИ, СК, СЛ, СМ, ТЖ, ТЗ, ТИ, ТК, ТЛ, ТМ, УЖ, УЗ, УИ, УК, УЛ, УМ, ФЖ, ФЗ, ФИ, ФК, ФЛ, ФМ, ХЖ, ХЗ, ХИ, ХК, ХЛ, ХМ, ЦЖ, ЦЗ, ЦИ, ЦК, ЦЛ, ЦМ, ЧЖ, ЧЗ, ЧИ, ЧК, ЧЛ,

ЧМ, ШЖ, ШЗ, ШИ, ШК, ШЛ, ШМ. Все они составили один прямоугольный четырехугольник длиной (с севера на юг) 16 м, шириной (с запада на восток) 12 м. Исследованы были новые срубы; на северо-востоке встретились погребения, а в южной части раскопа было продолжено изучение стены во всю ширину.

Рис. 2а. Северный профиль квадрата ЧЭА от поверхности до материка.

Восемь квадратов, частично затронутых в 1932 г. (ЧЖ, ЧЖ, ШЖ, ЧЗ, ЧИ, ЧК, ЧЛ, ЧМ), были теперь вскрыты полностью. На Посольской улице (вдоль улицы) была заложена разведочная траншея 20×2 м (квадраты 1—10), пересекшая стену. Затем на Воскресенском переулке, там где он делает излом и образует площадку, была заложена тоже разведочная траншея в 24×2 м (квадраты 1—12), стены не пересекшая; потом на том же переулке, ближе к Посольской улице, — траншея в 10×2 м (квадраты 13—17), тоже не нашедшая стены, и, наконец, там где называемый переулок подходит к Посольской улице, был заложен раскоп ломаных очертаний (квадраты 18—40), нашедший стену. Тогда раскопки в этом месте, имевшие разведочные задачи, были прекращены.

Прекращены они были и на пустыре, давшем в 1932—1937 гг. столы ценные материалы. На западе расширению раскопа мешает сад, на юге — здания, на севере и востоке — при-

легающие к церквам Ильи и Петра и Павла кладбища. Кладбища эти дали, правда, ценные материалы, но дальше копать их было нецелесообразно, тем более, что вещей при погребениях не оказалось.

3

Стратиграфия, обнаруженная на Славне, заслуживает подробного изложения.

Раскопками вскрыты три слоя, настолько четко разграниченных, что они хорошо различимы на всех фотографиях; слои идут горизонтально (рис. 2а). Установление этой стратиграфии является первым важным итогом раскопок на Славне, здесь удалось заложить основы хронологии новгородских слоев, и счастливая находка стены дала для этой хронологии абсолютную дату.

Ряд стратиграфических выводов основан на этой дате, поэтому здесь приходится забежать несколько вперед и сказать, что каменная крепостная стена построена посадником Федором в 1335 г. Доказательство этого будет дано в своем месте при описании стены.

Первый верхний слой, серый и сыпучий, идет в среднем от 0 до 0.6 м, иногда он доходит до 1 м и даже немного больше; в поздних перекопах (на Славне, к счастью, очень редких) проникает и глубже. Слой этот содержит много щебня и следы истлевших деревянных сооружений (сохранность дерева здесь несравненно хуже, чем в третьем слое). Керамика первого слоя близка к современной, преимущественно поливная и лощеная. Много стекла, преимущественно бутылочного. Встречаются кирпичи XVIII—XIX вв. Довольно часто попадаются монеты. Дата их от 1707 до 1859 г. (одна монета Михаила Федоровича на Воскресенском раскопе попала в этот слой, вероятно, из перекопа). Можно отметить в виде курьеза находки португальской и моденской монет XVIII в.). Под следами сооружений, отделяя первый слой от второго, во многих квадратах прослеживается песчаная прослойка мощностью до 0.2 м со следами угля в основании. Дата первого слоя XVIII—XIX вв.

Второй слой, черный и сравнительно рыхлый, идет в среднем на глубине от 0.6 до 1.2 м, иногда он кончается уже около 1 м, иногда доходит до 1.5 м и даже немного больше. В ряде мест он заметно тоньше, чем первый слой, и почти всюду значительно тоньше, чем третий. Он содержит вблизи стены посадника Федора 1335 г. (о ней см. ниже) много обломков тесаных известняковых плит, являющихся ее развалом. Поздней керамики в слое нет. Преобладает серая посуда, близкая уже к древнерусской, но отличающаяся от нее: а) плоским обрезом большинства отогнутых венчиков; б) преобладанием высоких шеек; в) наличием низких плечиков; г) наличием днищ, срезанных ниткой, наряду с днищами, присыпанными песком; д) относитель-

ной редкостью орнаментов (среди которых, впрочем, преобладают древнерусские, линейный и волнистый). Монеты этого слоя, если не считать находок при погребениях, почти все датируются XVII в.; четыре из них русские, все Михаила Федоровича (СГ-5, ПГ-4, СМ-4, СЛ-5) и две шведские, обе Карла XI (ПГ-7, РГ-6). Затем имеется одна монета XV в., серебряная новгородка с неизменным изображением Софии и денежника (ШЭА-6).

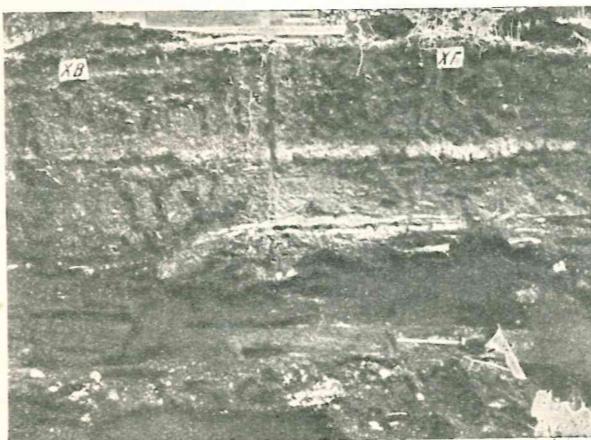

Рис. 2б. Северный профиль квадратов ХВ и ХГ от поверхности до сруба сапожника, над срубом — прослойка 1335 г.

Переход от второго слоя к третьему заслуживает особого внимания. Удалось доказать, что граница между этими слоями соответствует дневной поверхности XIV в. или, точнее говоря, строительной планировке, произведенной посадником Федором при сооружении стены 1335 г. Вышеупомянутая прослойка из глины, щебня и угля между вторым и третьим слоями именно и образовалась при этой планировке (рис. 2б и 2в). Ее можно назвать

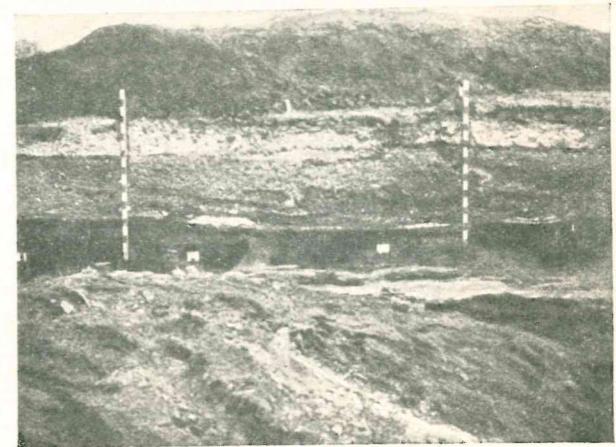

Рис. 2в. Северный профиль квадратов СВ—СЕ от поверхности до верхней части жома (справа), над жомом — прослойка 1335 г.

строительным слоем 1335 г. Это особенно хорошо доказывается на перпендикулярных к стене меридиональных профилях (рис. 3б и 4а). Там видно, как эта прослойка упирается в стену в среднем на 0.2 м выше валунов, составляющих основание стены. В профилях, которые перпендикулярны меридиональным, прослойка лежит непосредственно под осипью стены (рис. 3а). Стена начала осипаться и разрушаться вскоре после постройки. Осыпь сгущается обычно в нижней части второго слоя. Там, где профиль проходит через стену, второго слоя вообще нет (если каменная кладка сохранилась на достаточную высоту). Первый слой лежит там над стеной, он отлагался после того, как древнее укрепление исчезло под землей. Третий слой там вскрыт под стеной, он отлагался до строительной деятельности посадника Федора; фундамент стены не был доведен до материка (рис. 4б).

Эти наблюдения сделаны, конечно, прежде всего на квадратах, ближайших к стене посадника Федора. Но и до наиболее удаленных квадратов Славенского раскопа (кроме кладбищенских) все три слоя доходят непотревоженными и неизменными, хотя никаких следов осипи стены там уже нет. Следовательно, дата слоев и там та же, т. е. грань между вторым и третьим приходится на XIV в. Очень редко она нарушается перекопами.

Третий слой, коричневый и жирный, идет в

¹⁶ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. Известия Академии Наук, серия истории и философии, 1948, № 1.

16*

среднем на глубине от 1.2 до 2.2 м. Наибольшая его глубина доходит до 3 м. Этот слой особенно замечателен прекрасной сохранностью деревянных сооружений и вообще органических остатков. Здесь залегали все вскрытые раскопками срубы. Керамика

найдено 1332). Таким образом, стеклянные браслеты и в Новгороде оказались типичнейшей находкой для слоев XI—XIII вв. Их расположение заслуживает вообще особого внимания, поскольку они являются массовым материалом, дающим надежное статистическое

о Х. в. говорить можно (см. ниже), но и то без особой уверенности.

В связи с этим надо здесь отметить еще один из результатов раскопок. Мнение многих

ком всюду являлась желтая ледниковая глина. В одном месте она была взята на значительную глубину, так что вскрылись подстилающие глину песчаные слои.

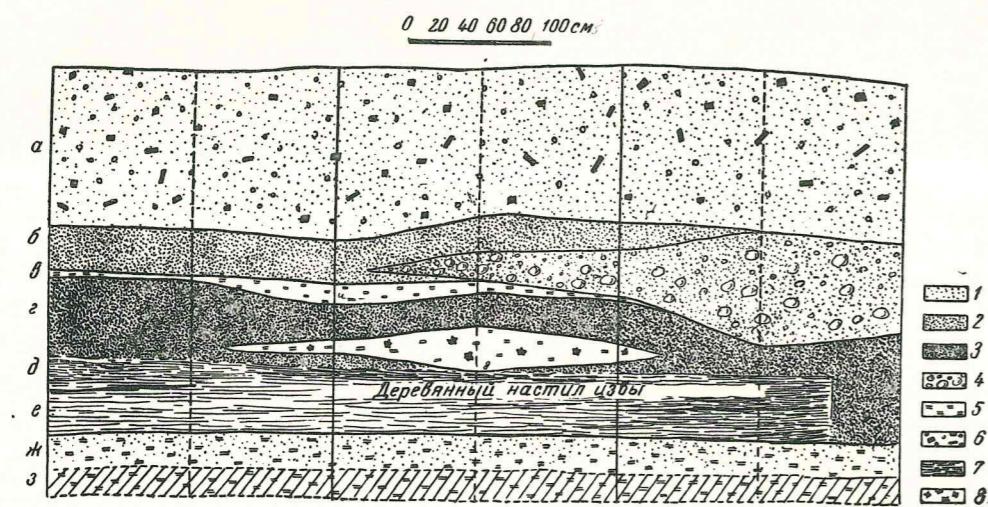

Рис. 3а. Северный профиль квадратов ЧЯ, ЧЬА и ЧЭА.

1 — слой I; 2 — слой II; 3 — слой III; 4 — осыпь стены; 5 — глина; 6 — строительный мусор; 7 — остатки дерева; 8 — шлаки. а — серый слой с остатками мусора; б — черный культурный слой (II); в — слой II с осыпью от стены 1335 г.; г — коричневый (III) слой; д — прослойка из перекреженной глины с остатками шлаков; ж — серая гумированная глина; з — желтая материковая глина; и — прослойка желтой глины.

третьего слоя принадлежит к основному древнерусскому типу, обычно называемому у нас курганным. Это посуда, как известно, общеславянская. Венчики большинства сосудов третьего слоя резко отогнуты и припухлы, шейки низки, плечики выпуклы и круты, нижние части имеют усеченно-коническую форму, днища присыпаны песком, линейный и волнистый орнаменты встречаются очень часто. Все сосуды сделаны на гончарном кругу, лепленных от руки нет вовсе, в этом отношении самые нижние горизонты культурного слоя не отличаются в Новгороде от самых верхних. Гончарный круг является надежным признаком гончарного ремесла,¹⁷ вся посуда здесь, даже в древнейших слоях, сделана гончарами. Типичной находкой для третьего слоя являются обломки стеклянных браслетов. Чем ближе к деревянным сооружениям, тем они обильнее. Над этим слоем их нет почти вовсе: в первом слое и во втором слое встречены по два обломка, они попали туда, очевидно, из перекопов. Зато в третьем слое их 1105, т. е. свыше 99.6% от общего количества (сюда не включены 223 обломка стеклянных браслетов с Посольского и Воскресенского раскопов, где много ям, нарушающих стратиграфию, а всего этих предметов на Славне

основание для хронологических выводов. Дата третьего слоя X—XIV вв. Верхним его пределом является, как выше говорилось, 1335 г., нижний предел отодвигать глубже X в. нельзя из-за полного отсутствия раннеславянских вещей и архаичной керамики.

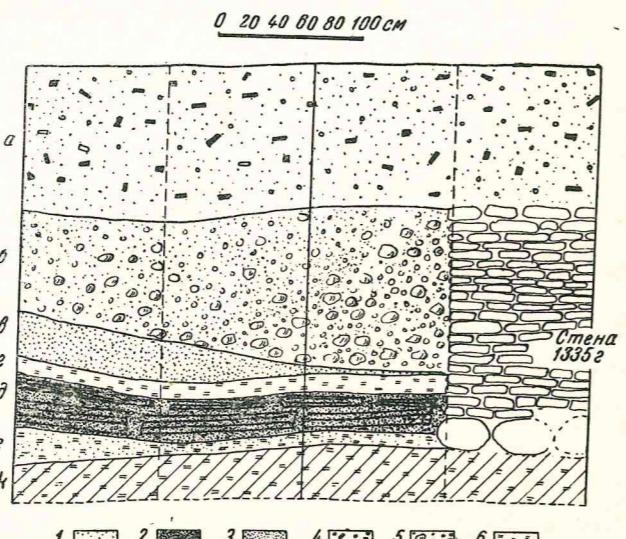

Рис. 3б. Восточный профиль квадратов ЧЭА и ШЭА.

1 — слой I; 2 — слой III; 3 — слой II; 4 — строительный мусор; 5 — осыпь стены; 6 — глина; а — серый сыпучий слой со строительным мусором; б — осыпь стены 1335 г.; в — черный (II культ.) слой; г — строительная прослойка из серой глины; д — коричневый (III культ.) слой со срубами; е — серая гумированная глина; ж — желтая материковая глина.

¹⁷ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Сузdalской и Смоленской землях. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11—12, стр. 44—45.

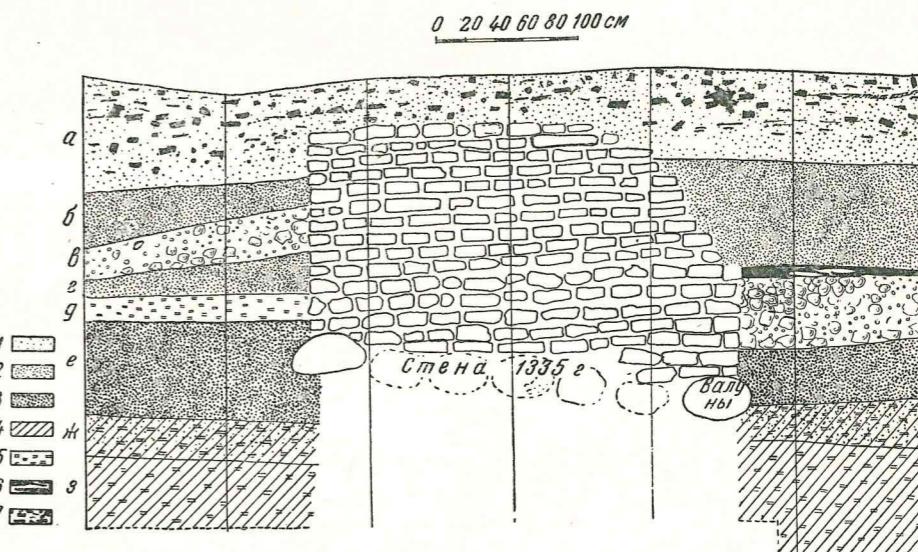

Рис. 4а. Восточный профиль квадратов ЧА, ША и ШЭА.

1 — слой I; 2 — слой II; 3 — слой III; 4 — материк; 5 — глина; 6 — уголь; 7 — строительный мусор и кирпич. а — светло-серый сыпучий, с большим количеством мелкого кирпича и другого строительного мусора; б — черный, рыхлый культурный слой; в — осыпь от стены; г — черный слой; д — серая глина; е — темнокоричневый слой со щепой; ж — серая гумированная глина; з — желтая глина.

4

В самом начале раскопок было сделано на-
блодение, что деревянные сооружения третьего
слоя распадаются на три яруса, лежащие

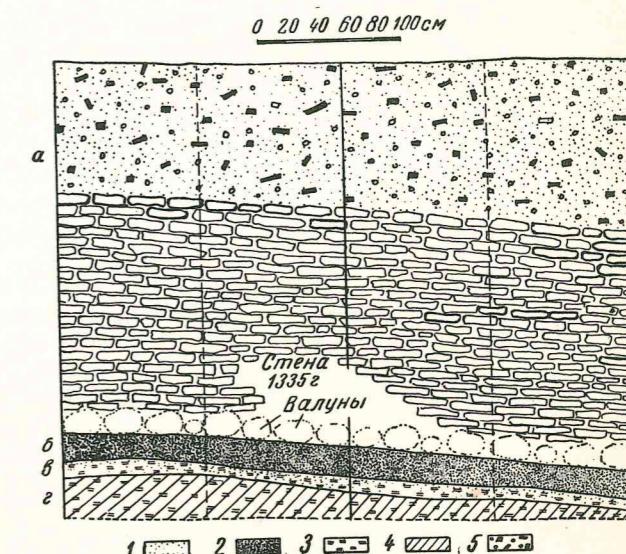

Рис. 4б. Южный профиль квадратов ШЭА и ШБА.

1 — слой I; 2 — слой III; 3 — глина; 4 — материк; 5 — строительный мусор; а — серый сыпучий слой со строительным мусором; б — коричневый культурный слой; в — серая гумированная глина; г — желтая материковая глина.

историков, помещавших древнейшее поселение Новгорода на Славенском холме и вывонявших из этого названия скандинавское имя Новгорода — Хольмгард — раскопками не подтверждено.

Вышеописанная стратиграфия одинаково типична для всех квадратов, за исключением квадратов НЦ, ОЦ, НЧ, ОЧ, НШ, ОШ, где находилось кладбище и культурного слоя не оказалось по существу вовсе, хотя кладбищенская земля была несколько гумирована из-за близости жилых наслойений. Кладбище, как ниже доказывается, возникло после разрушения стены XIV в., но и раньше это место не было обитаемо (если не предположить полного уничтожения древнего культурного слоя при сооружении стены, что, судя по характеру смежных наслойений, мало вероятно). Кроме того, погребения того же времени были еще в квадратах СК, ТК, СЛ, ТЛ, СМ, ТМ. Там они находились в культурном слое, и их ямы пересекали напластования, заходя из второго слоя, с которым все погребения связанны, в третий.

Междуд культурным слоем и материковской глиной залегала, как обычно, серая гумированная глина.

Материк на Славне был на глубине от 2 до 3 м, что для Новгорода мелко (по сравнению с районами последующих раскопок). Матери-

почти непосредственно друг на друге. В каждом ярусе прослеживалась взаимная связь бревен; так наметились три сменившие друг друга застройки. Впрочем первый (сверху)

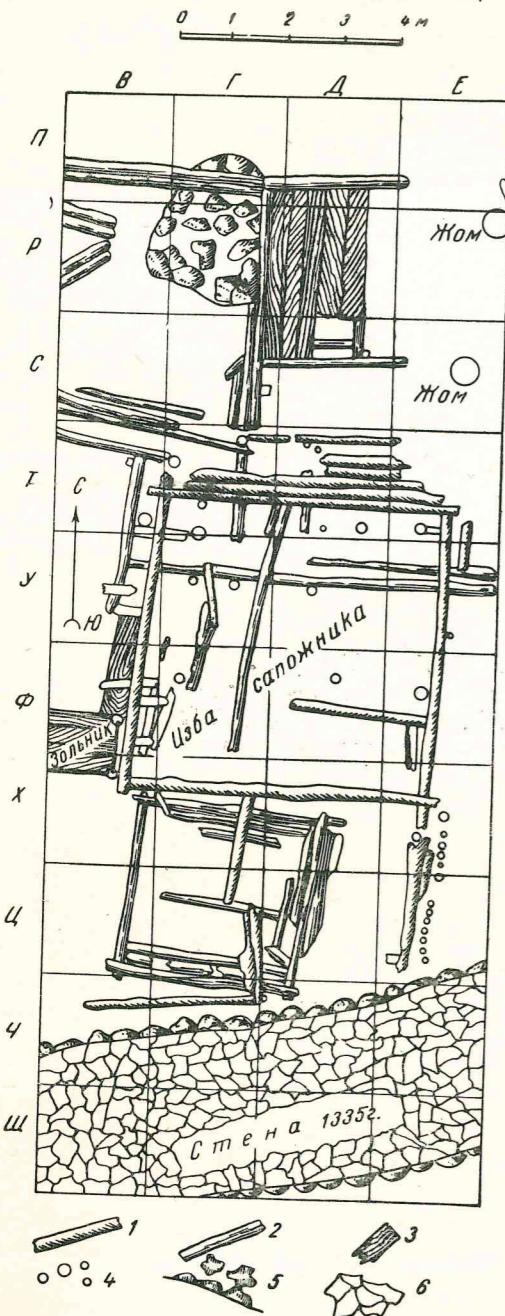

Рис. 5. Изба сапожника и смежные сооружения.
1 — бревна, верхний ярус; 2 — бревна, нижний ярус;
3 — тесины; 4 — столбы; 5 — камни; 6 — каменная кладка.

ярус состоял всего из двух бревен и при расширении раскопа не продолжился. Следующие два яруса в дальнейшем изложении называются верхним и нижним, они продолжились на север на значительно большей площади.

Высказанное мною еще в начале раскопок предположение, что в верхнем (тогда

среднем) ярусе будет открыта изба,¹⁸ подтвердилось. Изба в плане сохранилась полностью. Она рублена в обло, на месте сохранился только нижний венец, а у северной стены лежат бревна следующих пяти венцов. Материал — сосна (определения древесины сделаны лесоводом А. П. Осиповым). Длина избы — с севера на юг — 5.6 м, ширина — с запада на восток — 5.3 м. Северо-западный угол сруба находится в квадрате ТВ, северо-восточный — в ТЕ, юго-западный — в ХВ, юго-восточный — в ХЕ (рис. 5).

Внутри сруба находилось 11 сосновых столбов, от которых сохранились только нижние части, заостренные топорами. Диаметр столбов от 0.15 до 0.35 м. Столбы расположены в три линии, идущие параллельно южной и северной стенам. Часть столбов могла предназначаться для скамей, часть же для печи, которая, очевидно, целиком изъята из избы. В средней части избы открыто большое количество обожженной глины, связанной с печью. Впрочем, надо оговориться, что система отопления новгородских домов доныне не выяснена. После описываемых раскопок разными экспедициями в разных частях города вскрыт ряд срубов, но ни печей, ни очагов не обнаружено пока нигде. Возможно, что небольшие глиняные или кирпичные печи стояли на высоких столбах, тогда при разрушении жилища они могли исчезнуть бесследно или почти бесследно. В юго-восточном углу описываемой избы на бревнах сруба найдены массивная железная дверная накидка (ФЕ-6) и железный дверной крючок (ФЕ-8), что может говорить о наличии здесь двери. В этом же углу в 1.3 м от южной стены прослежено бревно, идущее перпендикулярно к восточной стене. Возможно, что оно ограничивало сени. У подошвы сруба, внутри и вне его (главным образом в северо-западной части), найдено большое количество щепок, очевидно от обтесывания бревен при постройке избы. У западной стены избы найдены два еловых колышка.

В избе и вокруг нее встречены, в количестве нескольких тысяч, обрывки кожи и кожаной обуви; в том числе имеются целые вырезки, заготовки, подошвы, ремни и т. д. В избе, очевидно, жил сапожник.

Стратиграфически изба ниже и на один-два века древнее стены 1335 г., так как при постройке стены были засыпаны уже развалины избы, успевшие к тому времени сплошь покрыться спокойно отложившимся культурным слоем. Особая насыщенность соответственного пласта стеклянными браслетами подтверждает дату избы — XII в. (век наибольшего применения этих украшений на Руси), дату наиболее вероятную и стратиграфически.

Интересно отметить, что в XVI в. в этом

¹⁸ Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1—2, стр. 63—64.

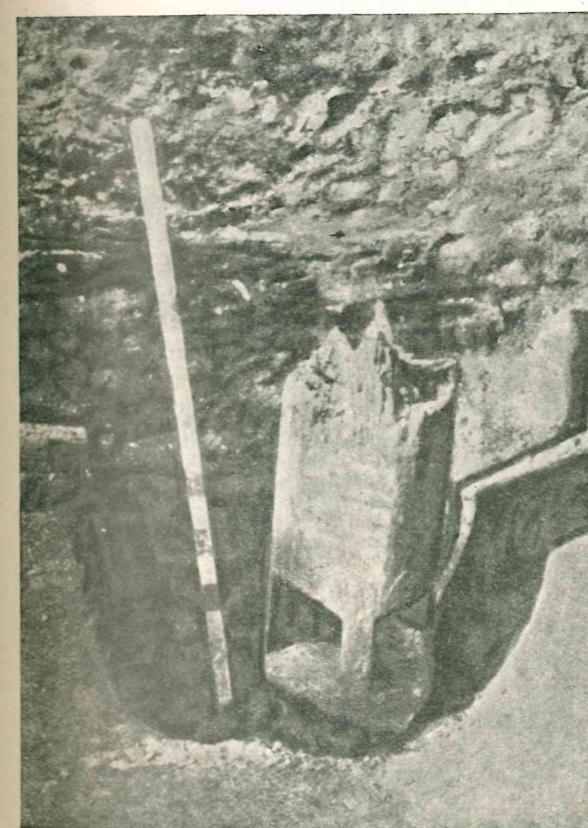
районе жили сапожники. Писцовая книга Новгорода Великого 1582—1584 гг. Леонтия Аксакова размещает больше половины упомянутых в ней новгородских сапожников имен-

копана только одна сапожная мастерская XII в., прежде временно.

К южной части западной стены избы примыкает извне вплотную ящик. Он состоит из

а

в

б

г

Рис. 6. а — зольник; б — жомы на квадратах СЖ и ТЗ; в — жом на квадрате СЕ; г — жом на квадрате РЕ.

но в районе Славна, в том числе на Ильиной улице.¹⁹ Остальные профессии здесь в это время встречаются гораздо реже. Впрочем, возводить эту локализацию к XII в., пока рас-

¹⁹ В. В. Майков. Ук. соч., стр. XXXV.

колотых плах, вставленных в пазы четырех врытых в землю столбов. Форма его прямоугольная. Плахи находят одна на другую, для чего нижняя часть налегающей плахи имеет продольный жолоб. Всех плах в каждой стенке ящика по четыре. Пол устлан подобными

плахами, плотно пригнанными. Глубина ящика 0.6 м, длина 1.35 м, ширина 1 м. Дно ящика покрыто толстым слоем шерсти и извести. Тем самым определяется его назначение. В технологической литературе мне удалось найти точные аналогии этому сооружению, подробно описанные Г. Г. Поварниным.²⁰ Такой ящик называется зольником. Он применяется до сих пор кожевниками-кустарями для удаления волоса со шкур. Удаление это производится при помощи извести и золы. Обычно зольники круглые, но, как говорит Г. Г. Поварнин, у великоруссов встречаются и прямоугольные. Вероятно, связаны со стрижкой шкур найденные над зольником железные ножницы, с кольцами и на гвоздике (ФВ-6), длина их 0.14 м. Сохранились они в обломках. Зольник находится на квадратах ФВ и ХВ (рис. 6а).

Судя по зольнику, наш сапожник XII в. был в то же время и кожевником. В XVI в. в Новгороде эти две специальности уже, как правило, не совмещались в одном лице. Сапожники тогда сосредоточивались преимущественно в Славенском конце, а кожевники в Неревском конце.

К северу от зольника, у западной стены избы, расположена куча округлых камней, перемешанных с углем и золой. От юго-восточного угла избы шел на юг частокол, от которого хорошо сохранились основания столбов, стоявших почти вплотную. Их 13, диаметр их от 0.15 до 0.2 м. Частокол ограждал двор сапожника. От середины южной стены избы идет на юг ломаная линия из бревен, ограничивающая с востока пространство, покрытое толстым слоем навоза. Здесь была конюшня. Задворки между конюшней и частоколом узки (всего 2.8 м). Размеры двора сапожника установить нельзя, поскольку он продолжался на юг, где позднее в XIV в. была построена каменная стена.

До сапожника на этом месте строились какие-то люди; следами их построек являются сооружения нижнего яруса. Бревна сохранились еще лучше. На север от каменной стены, почти примыкая к ней, расположен небольшой квадратный сруб, 3.4 × 3.4 м. На месте полностью сохранились два венца, рубленные в обло; два следующих венца сохранились частично, в развале. Восточный конец северного бревна имеет две поперечных полукруглых выемки. Одна из них для налегающего бревна восточной стенки. Назначение второй (внешней по отношению к срубу) выемки неизвестно. Северо-западный угол сруба находится в квадрате ХВ, северо-восточный — в ХД, юго-западный — в ЦВ, юго-восточный — в ЧД.

Бревна этого сруба имеют продольные желоба для скрепления, притом в отличие от

современного способа, не по низу, а по верху. Столбов внутри постройки нет. Судя по размерам, сруб имел какое-то хозяйственное назначение, вероятно, служил сараем. Он расположен под постройками сапожника и был разрушен до их сооружения.

Срубы и в верхнем и в нижнем ярусах ориентированы примерно по странам света с небольшим отклонением к востоку. Это интересно, поскольку обе соседние церкви, Ильи и Петра и Павла, имеют отклонение в ту же сторону. Вероятно, направление определялось направлением церквей.

Под самой избой сапожника с нижним ярусом построек были связаны лишь некоторые бревна, вероятно от совершенно разрушенного сруба. Но к северу от избы сапожника с тем же нижним ярусом был связан небольшой помост. Длина этого помоста с севера на юг 3.3 м, с севера, запада и юга он ограничен бревнами, на востоке он разрушен, и протяженность его в этом направлении измерить нельзя; ширина сохранившейся части 1.5 м, она состояла из шести широких тесин. Помост был разобран для изучения находившегося под ним очага. Очаг этот впрочем скрыт был помостом только частично (западной частью помоста) и связи с ним не имел, будучи ниже него в среднем на 0.4 м. Он занимал квадрат РГ, частично РД и немного заходил на смежные квадраты.

Очертания очага довольно бесформенные, длина его 2.5 м, ширина тоже 2.5 м, толщина 0.3 м, он сложен из обгорелых камней, диаметр камней в большинстве от 0.1 до 0.2 м. Это были булыжники. Очаг лежал в самом основании культурного слоя и не был вырыт в землю; его сооружение относится, вероятно, к времени первого поселения на этом месте. Довольно вероятно, что он принадлежал бане, так как имеется сходство с этнографически известными банными каменками. Но точно решить этот вопрос было невозможно — сохранность сооружения плохая, многие камни из него еще в древности вынуты. Земля под ним была сильно прожжена, особенно в центре.

Это стратиграфически древнейшее из открытых на Холме сооружений, и находки это подтверждают. На очаге лежал арабский диргем (РД-13). Вследствие плохой сохранности прочесть его нельзя, но, повидимому, он относится к X в. (определение А. И. Тереножкина). О том же времени позволяет говорить и общий облик керамики, принадлежащей к вышеописанному курганному типу, но к раннему его времени. Впрочем, точной уверенности в этой дате нет, в частности на очаге встречались стеклянные браслеты, а их распространение у нас относится скорее к XI в. Однако они могли попасть туда после разрушения очага.

Но вообще эти браслеты, столь типичные для третьего слоя, типичны скорее для верх-

стоял на двух сосновых плахах, лежавших почти параллельно друг другу, остальные без особых подставок (рис. 6 б, в, г).

В нижней части каждого из этих столбов имеется сквозная горизонтальная прорезь, по одному сторону которой остается половина столба, а по другую тонкая горизонтальная перемычка.

Первый жом найден в квадрате СЕ. Высота его 1.1, диаметр 0.5, окружность 1.57, высота прорези с края 0.38, в центре 0.24, ширина перемычки 0.07, ширина задней стенки 0.5 м (рис. 7б).

Второй жом найден в квадрате РЕ, он самый большой и сохранился он лучше всех. Высота его 1.29, диаметр 0.51, окружность 1.57, высота прорези с края 0.32, в центре 0.2, ширина перемычки 0.1, ширина задней стенки 0.48 м (рис. 7а).

Третий жом найден в квадрате ОЖ, он был плохой сохранности и развалился на много кусков в процессе раскопок. Высота его была 1.2, диаметр 0.5, окружность 1.55 м, промерить прорезь и перемычку было нельзя, эти части рассыпались прежде всего.

Четвертый жом найден в квадрате СЖ. Высота его 1.09, диаметр 0.48, окружность 1.46, высота прорези с края 0.34, в центре 0.19, ширина перемычки 0.08, ширина задней стенки 0.44 м; дно прорези имеет уступ, высота которого 0.05 м (рис. 7г).

Пятый жом найден в квадрате ТЗ, он меньше других. Высота его 0.83, диаметр 0.49, окружность 1.54, высота прорези с края 0.37, в центре 0.23, ширина перемычки 0.06, ширина задней стенки 0.049 м (рис. 7в).

По извлечении из раскопов все жомы взвешивались. Вес первого жома был тогда 179, второго — 225, четвертого — 176, пятого — 135 кг. Теперь, после просушки, все они, конечно, легче.

Извлечение из раскопов этих тяжелых предметов, при постоянной опасности повредить вырезы и перемычки, было трудным делом. Тем не менее все четыре жома удалось благополучно перевезти в Москву. Их просушка и консервация произведены Историческим музеем под руководством инженера-химика А. Д. Чиварзина.

Назначение этих предметов не вызывает сомнений. В этнографической литературе мне удалось найти точное их описание, составленное по живым наблюдениям в конце XIX в. в бывшей Вятской губернии Ф. Г. Кучиным.²¹ Там употреблено и название «жом», применяемое к подобным маслобойням в России повсеместно. Описание составлено по поручению Вятского губернского земства.

Из десяти описанных автором систем наибольшее сходство с новгородской имеет си-

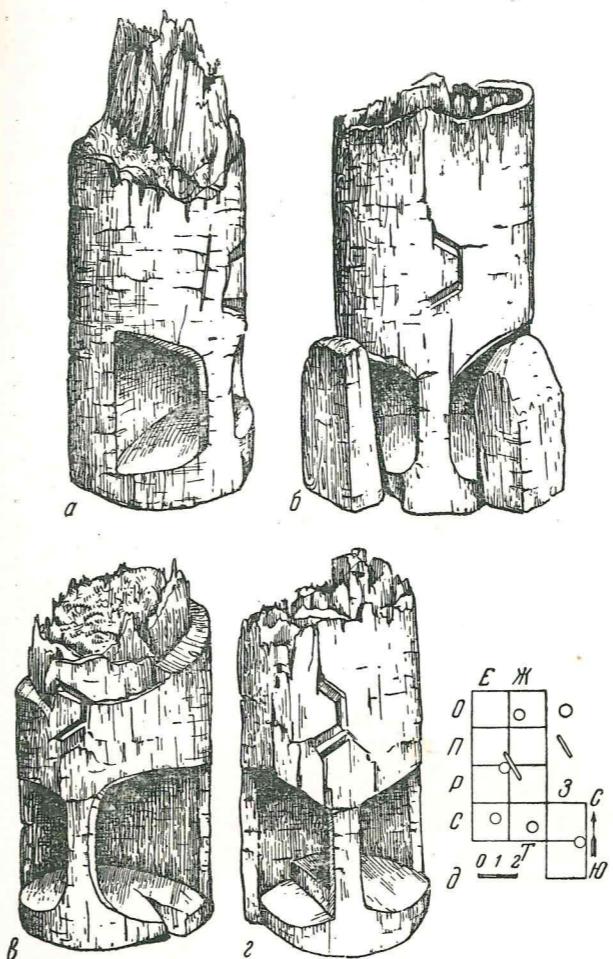

Рис. 7. а, б, в, г — жомы; д — расположение жомов, рядом со вторым жомом на плане бруса лестницы.

К северо-востоку от этой избы простиралась довольно обширная (не менее 8 × 6 м) территория, где срубов не было, зато там найдены пять маслобойных жомов.

Это толстые, вертикально стоявшие, сосновые столбы; верхушки их частично сгнили (впрочем, современная высота каждого жома мало отличается от первоначальной, судя по сохранившимся сердцевинам верхушек). Зато нижние части всех жомов (кроме одного) сохранились прекрасно, несмотря на вырезы и перемычки, которые могли уменьшить прочность (напоминаю, что чем ниже, тем дерево в Новгороде сохраняется лучше). Первый жом

²⁰ Г. Г. Поварнин. Очерки мелкого кожевенного производства в России, ч. 1. История и техника производства. СПб., 1912, стр. 19, 113, 114.

стема третья. Таких вертикальных столбов с горизонтальными выемками должно быть два. Стого говоря, слово «жом» правильнее применять не к столбу, а ко всему сооружению в целом. В выемки двух столбов вставлялся горизонтальный брус — пресс, давивший средней частью на расположенную под ним колоду с конопляным или льняным семенем. В одном из столбов брус закреплялся малым клином, вбиваемым при помощи ручного молота, а для производства давления на колоду в прорезь другого столба вставлялся большой клин, вбиваемый далее тяжелым камнем (до 250 кг) или подвешенным на цепи чурбаном (этнографические названия «барс», «сокол», «старуха», «баба»).

«С каждым ударом,— говорит Ф. Г. Кучин,— клин входит все дальше и дальше в отверстие столба и постепенно нажимает книзу брус, так что последний выжимает масло, которое и сбегает по отверстиям и желобкам на дно колоды». ²² Обслуживают такую маслобойку два человека.²³

Подобные маслобойки известны и из других мест (ярославские, вологодские, смоленские, кубанские; рабочие на раскопках говорили о том, что такие есть и под Новгородом).

Любопытно отметить, что у наших жомов потолок прорези имеет наклон внутрь столба, предначертанный, очевидно, для вбивания клина.

Возле первого и второго жомов найдено семя конопли: масло, очевидно, изготавливается конопляное.

Территорию маслобойни составляли, повидимому, квадраты ОЕ, ПЕ, РЕ, СЕ, ОЖ, ПЖ, РЖ, СЖ, СЗ, ТЗ; там никаких других сооружений не было. На северо-восток она могла продолжаться, но там ее следы, вероятно, стерты кладбищем.

Вершины всех пяти жомов находились непосредственно под прослойкой, возникшей в XIV в. при строительной планировке и отделяющей второй слой от третьего; таким образом, все они всецело относятся к третьему слою. Можно предполагать, что они были засыпаны при этой строительной планировке, произведенной посадником Федором. Труднее объяснить, почему их нижние и рабочие части находились так низко, доходя почти до материка (в двух случаях даже до материка). Повидимому, сооружения эти в свое время стояли в некоторой ложбине или канаве, чтобы облегчить вбивание клина. Стратиграфически это доказать не всюду удалось, в профилях здесь не было прослоек, по разрывам которых легче всего устанавливается перерывность. Но канава, где стояли 4-й и 5-й жомы, прослежена, ее дно было заметно ниже, чем

²² Ф. Г. Кучин. Ук. соч., стр. 264.

²³ Там же, стр. 269.

материк на соседних участках, что видно и на фото (рис. 6б). Жомы, очевидно, засыпаны смежным культурным слоем при выравнивании строительной площадки для постройки стены.

Столбы, составляющие пару, должны, по Ф. Г. Кучину, стоять на расстоянии около 0.7 м друг от друга.²⁴ При раскопках все промежутки между столбами оказались гораздо больше: наименьшее расстояние было 2 м (рис. 7д). Такая длина горизонтального бруса — пресса совершенно невозможна. Повидимому, пар здесь нет. Возможно, что часть столбов была при планировке местности не засыпана, а выброшена.

Дата маслобойни не вызывает сомнений. Все жомы в момент засыпки, в 1335 г., были еще свежи и целы. Мастерская работала в XIII в. или в начале XIV. Обращают на себя внимание ее размеры. Деревенские маслобойни XIX—XX вв. имели по одной паре столбов, здесь было сразу не меньше трех пар (столбы явно одновременны), а, вероятно, многое больше. Здесь мы имеем дело не с подсобным деревенским промыслом, а с городским производством довольно большого размаха.

Рядом с жомами лежал на квадратах ПЕ, ПЖ и РЖ большой сосновый брус от лестницы. Он тоже привезен в Москву. Это боковая лестничная стенка с пазами для вставления ступенек, сделана она из горбыля. Длина 1.68, ширина 0.21, толщина 0.11 м. Ступенечных пазов сохранилось пять, они расположены под углом к оси бруса, что для ступенек закономерно. Угол от 24 до 27°. Глубина пазов по 0.025, ширина по 0.05 м. Чрезвычайно существенно для стратиграфии, что брус был найден в наклонном положении, верхняя его часть была на 0.6 м выше нижней. Попасть в этом положении в землю он мог только при засыпке какого-то углубления. Тем самым подтверждается предположение о засыпке жомов (стоявших рядом) при строительной планировке.

Неизвестно, каким образом попало в землю дно бочки, найденное вместе с двумя ободьями и кусками клепки на квадрате РГ. Диаметр его 1.2 м (рис. 8а).

К востоку от сапожной и маслобойной мастерских найдена третья ремесленная мастерская. Это сруб, лежащий тоже в третьем слое, в самой верхней его части, непосредственно под прослойкой 1335 г., отделяющей его от второго слоя. От сруба местами сохранился один венец, местами два и три. Бревна сосновые. На севере сруб разрушен перекопами. Ширина его — с запада на восток — 5.5 м. Длина — с севера на юг — не известна, но больше 4 м. Во всяком случае он целиком захватывает квадраты ФИ, ХИ, ФК, ХК, боль-

РАСКОПКИ НА СЛАВНЕ В НОВГОРОДЕ

шую часть ФЛ и большую часть ХЛ (рис. 9а).

Юго-западный угол сруба почти совпадает с юго-западным углом квадрата ХИ. Юго-восточный угол находится на южной границе квадрата ХЛ. К северо-востоку от сруба, на квадратах ТМ, УМ, ФМ, обнаружены следы частокола, параллельного стенам сруба

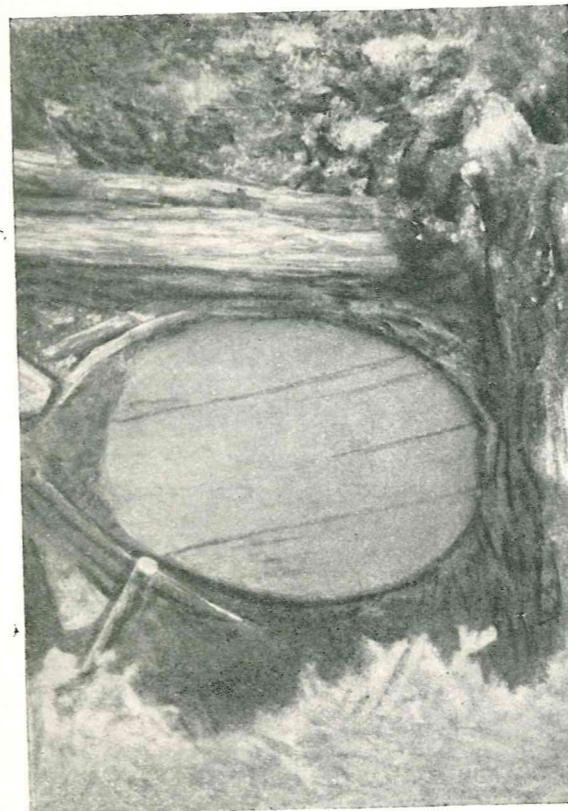

Рис. 8а. Дно бочки на квадрате РГ.

(рис. 8б). Столбы частокола почти не сохранились, но ямы их измерены. Их диаметр от 0.15 до 0.2, число их 14. Столбы внутри сруба не было, не было и следов печи. Кое-где сохранились некоторые следы пола. Он состоял из тесин, средняя их ширина 0.2 м; в одном месте прослежена лага, на которой тесины лежали, это жердь толщиной 0.1 м. Изба была явно сломана при строительной планировке 1335 г., некоторые ее части были тогда разрушены целиком, зато под засыпкой уцелели куски многих половиц.

Профессия владельца избы и здесь определяется точно. Внутри нее найден ряд глиняных игрушек-птичек. Три из них целые, покрыты желтой поливой (ХИ-7, ФЛ-7, ХЛ-6), три покрыты такой же поливой, но от них отбиты куски (ФК-7, ХК-7, ХЛ-6), одна целая, но поливой еще не покрытая (ХИ-7), пять представляют собой глиняные заготовки той же фигуры (ХК-6 — две, ХК-7, ХК-8, ХЛ-7), на конец, есть два обломка таких заготовок (ХИ-7, ХЛ-6). Все эти находки сделаны в чер-

17*

те сруба. Вне его найдена только одна подобная игрушка, но в перекопе и среди позднейших вещей, да и то, повидимому, над разрушенной перекопом частью сруба (УЛ-2). Эта птичка обитая, цвет ее поливы коричневый. Полива найденных в срубе птичек ярко-желтая, довольно чистого оттенка (только одна

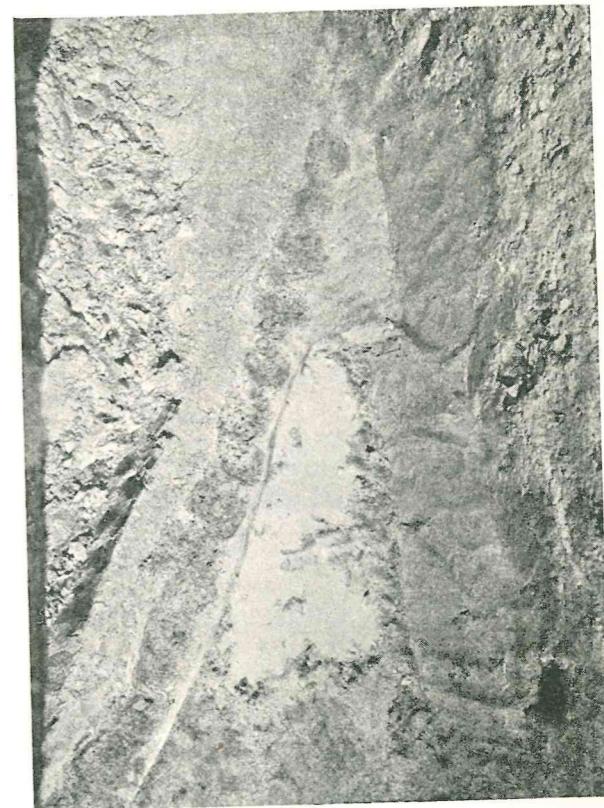

Рис. 8б. Частокол на квадратах ТМ — ФМ.

из них — ХИ-7 — желто-зеленая). Очертания плавные, туловища полные, головы круглые, клювы короткие, внутри каждой фигурки пустота, в нижней части круглое отверстие, детали не обозначены (рис. 9б), длина от 0.04 до 0.05 м. Разбитые игрушки брошены, как брак. Заготовки в большинстве своем тоже представляют собой производственный брак, они кособоки, мяты и т. д. (рис. 9б — справа), это явный признак производства на месте, что доказывается и общей топографией находок. В избе жил игрушечник, и продукция его была очень стандартна, что позволяет заключить о далеко зашедшей дифференциации ремесла.

Положение сруба непосредственно под уровнем планировки 1335 г. дает для его постройки дату, XIII—XIV вв. При планировке изба игрушечника была засыпана вместе с производственным браком и тремя случайно оказавшимися там же образцами готовой продукции. От этой избы до стены посадника Федора расстояние всего 0.8 м.

Надо особо отметить исключительное богатство данного сруба археологическими находками (см. ниже).

Игрушечник строился на месте другой избы, которая к моменту постройки не была еще покрыта культурным слоем. Назовем избу игрушечника срубом I, а предшествующую избу срубом II. Они имеют одинаковую ориентиров-

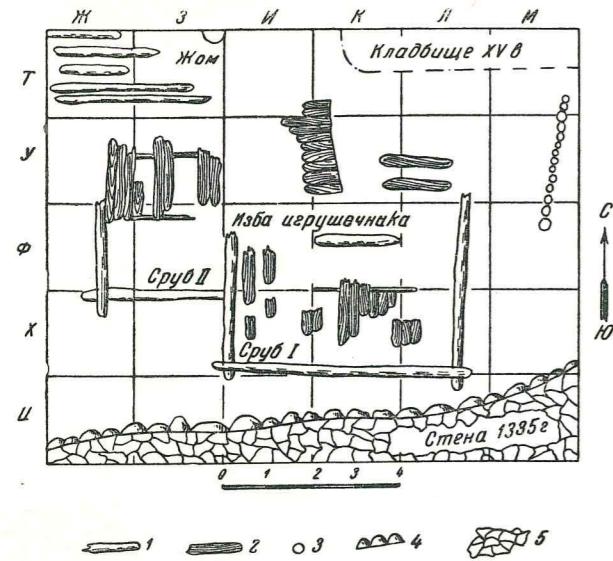

Рис. 9а. Изба игрушечника и прилегающие сооружения.
1 — бревна; 2 — тесины; 3 — столбы; 4 — камни;
5 — каменная кладка.

ку (примерно по странам света), но по площади совпадают лишь частично. Под срубом I бревна сруба II полностью разрушены, но снаружи к нему прилегают вплотную, будучи лишь на 0.1 м ниже. Южная стена сруба II

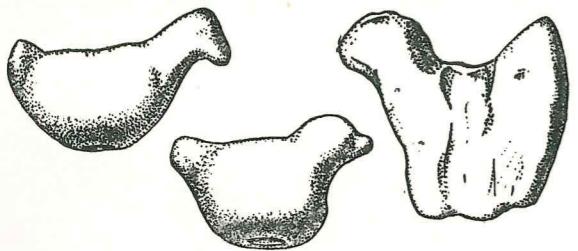

Рис. 9б. Глиняные птички, покрыты желтой поливой, и глиняная заготовка птички.

перпендикулярна западной стене сруба I и пересекается с ней на расстоянии 1.7 м от юго-западного угла сруба I. Юго-западный угол сруба II находится на расстоянии 3 м от этого пересечения. Другие углы не сохранились. Таким образом, на востоке этот более ранний сруб разрушен срубом игрушечника. В срубе II тоже сохранились кое-где некоторые остатки пола, состоявшего из тесин той же ширины.

Маслобой и игрушечник были по территории соседями сапожника, но соседями в жизни они

едва ли были: сапожник работал лет на сто раньше (впрочем изба его могла стоять долго). Но между собой маслобой и игрушечник были несомненно соседями. Территория, где стояли жомы, вплотную примыкает к северо-западу к срубу с птичками.

Таким образом, все сооружения, открытые на первом раскопанном в Новгороде большом участке, между церковью Ильи и стеной посадника Федора, оказались связаны с городским ремеслом. Археология ежегодно приносит новые и новые доказательства того, что Новгород, вопреки долго господствовавшим в науке мнениям, был крупным ремесленным центром.

Найдены некоторые материалы и по кузнецкому ремеслу, хотя соответственная мастерская не обнаружена. Находки эти, строго говоря, залегали уже не в третьем слое, но во втором, однако в самой нижней его части, непосредственно на упомянутой глинистой прослойке строительной планировки 1335 г. Это была сплошная груда железа, камней и углей (РГ-7), длиной до 1 м, шириной до 0.5 м, толщиной менее 0.2 м. Куски железа представляли собой кузнечные крицы и их обломки. Форма целых криц была круглая, уплощенная (в виде лепешки), поверхность ноздреватая. Хорошо сохранилась лишь одна крица, диаметр ее 0.15 м (рис. 19в). Там же найден железный молоток (о нем см. в описании вещей). Вся груда по своему положению может быть датирована точно 1335 г. Вероятно, это остатки работы кузнеца, чинившего и делавшего инструменты строителей при сооружении каменной стены, которая отстоит от этой находки на 14 м.

5

Перейду теперь к описанию самой стены, выше упоминавшейся много раз, поскольку с ней связаны многие хронологические выводы. Она и сама по себе представляет большой интерес для истории русской фортификации.

Хотя она упомянута в летописи, находка ее была полной неожиданностью. На летописное известие особого внимания никто не обращал, и оно приурочивалось историками к укреплениям городского вала. Впрочем, и на валу историки и археологи, как известно, реконструировали многократно лишь деревянные укрепления. Раскопки случайно натолкнулись в самом начале на каменную стену. Возникла мысль о церкви, хотя для нее кладка слишком толста. Но вскоре открылось, что стена гораздо длиннее всех церквей, и в плане она кривая, тогда мысль о церкви отпала, равно как и мысль о дворце. Тогда я для объяснения открытия указал на летописное известие 1335 г. Эта гипотеза встретила возражения М. К. Кар-

гера,²⁵ но последующие раскопки полностью ее подтвердили.

Под 1335 г. Первая Новгородская летопись говорит: «Того же лета заложи владыка Василий, с своими детьми, с посадником Феодором Даниловичем и с тысяческим Остафием и с всеми Новгородцами, острог камен по онои стороне, от Илии святаго к Павлу святому, при великом князе Иване Даниловиче».²⁶

Рис. 10. Стена 1335 г.
а — внутренняя сторона на квадрате ЦА; б — внутренняя сторона на квадратах ЦЖ и ЦЗ.

Выясненное раскопками направление совпало с летописным, это намечалось в 1932 г., подтверждилось в 1934 г., окончательно установилось в 1936 и 1937 гг. Церковь Ильи стоит рядом и была защищена стеной, которая идет сначала с юго-запада на северо-восток, затем все круче и круче направляясь на север. К северу от церкви Ильи, в северо-восточной части Славенского конца лежал монастырь Павла Исповедника, патрональный для этого конца.²⁷ Летопись подразумевает его под «святым Павлом» (церковь Петра и Павла не могла быть так названа). Стена прямо на-

²⁵ Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1—2, стр. 64. Впоследствии он от этих возражений отказался, см. СА, IX, стр. 139.

²⁶ ПСРЛ, III, 77.
²⁷ А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. «Исторические записки», 16, М., 1945, стр. 8.

правляется к этому монастырю. Она здесь приблизительно параллельна городскому валу, проходящему неподалеку, и является внутренним поясом укреплений. Несмотря на общизвестность летописи, до раскопок не было ни предположений о месте каменного острога, ни попыток его отыскать.

Стена сохранилась хорошо, местами до 2 м высоты от основания; тем не менее она нигде уже не выходит на поверхность земли и, таким образом, до раскопок не была известна. По покрывающему ее культурному слою можно установить, что последние остатки ее скрылись под землей в XVIII в.

Нивелировка современной поверхности земли обнаружила легкое возвышение над тем местом, где при раскопках оказалась каменная кладка. Никаких башен стена на пронесенных участках не имела.

Основание фундамента стены состоит из валунов, что для новгородского зодчества характерно. Стена облицована квадровыми

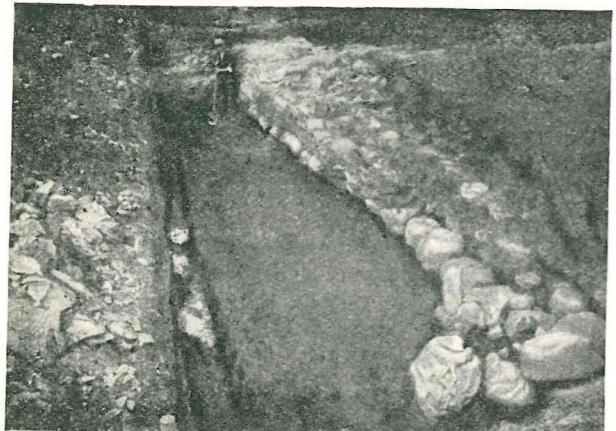

б

известняковыми плитами. Середина забутована необработанным известняком. Цементирована стена известью с примесью песка. Кладка похожа на кладку новгородских церквей XIV в. (рис. 10а, б и 11а).

Цвет облицовочных плит розовый, это красноватый ильменский известняк. Средняя их высота 0.1, средняя длина в некоторых местах 0.3, в других местах 0.4 м. Взять плиту для образца долго не удавалось, поскольку отделившихся целых плит не было, а отломать от стены хотя бы один камень экспедиция не считала возможным, и засыпанная стена и теперь сохраняется под землей. Наконец, в последний год раскопок, к их концу, была обнаружена на квадрате ЦЛ целая плита, отломанная от стены. Она перевезена в Москву, в Исторический музей. Длина ее 0.45, ширина 0.25, высота 0.12 м.

Ширина стены почти равна 3 м (кое-где немного больше или меньше). В начале раскопок, когда стена с наружной стороны не раскапывалась, она казалась несколько уже, поскольку с внутренней стороны она сохранилась на большую высоту. Фундаментом стены

а

в

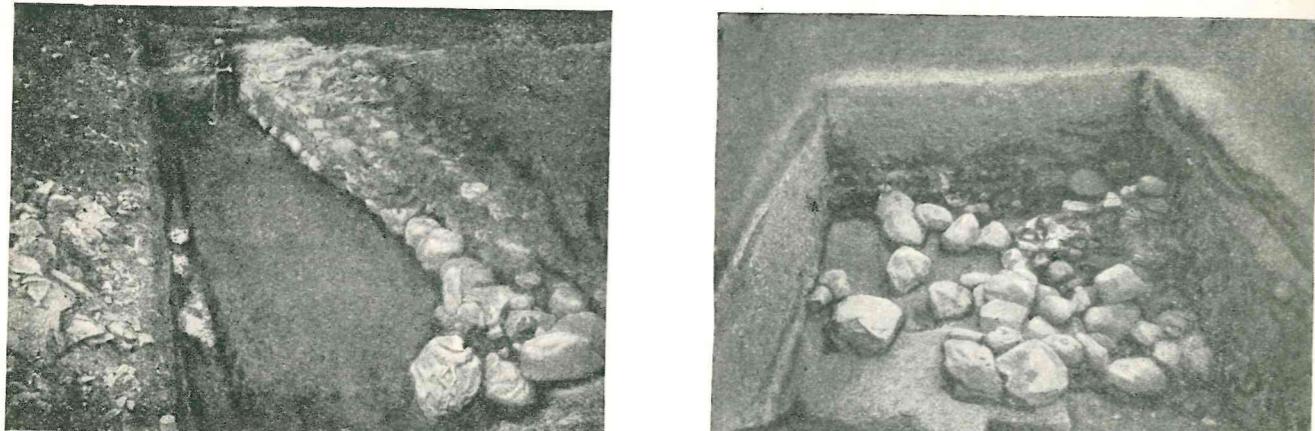
Рис. 11. Стена 1335 г.
а — внешняя сторона, вид с востока, человек стоит на квадрате ШЖ; б — остатки стены на квадратах НШ и ОШ; в — остатки стены 1335 г.

надо признать нижнюю часть кладки, высотой примерно 0.2 м (на этой высоте в стену упирается прослойка строительной планировки), равно как и валунное основание.

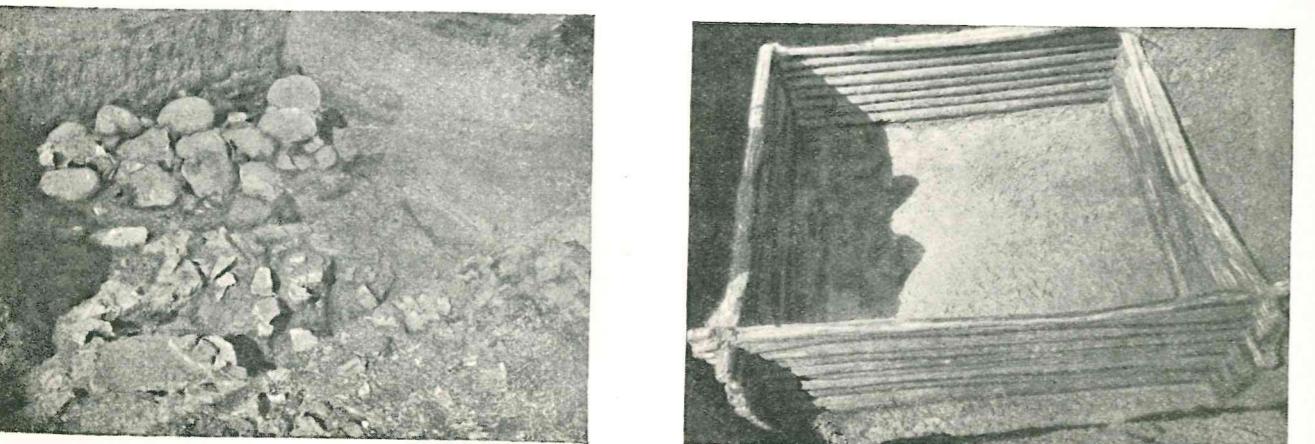
Валуны выступают в обе стороны из стены вперед, ширина основания в среднем 3.3 м. Фундамент лежал неглубоко, и под стеной, как правило, находится не материк, а культурный слой. Как известно, у многих новгородских церквей XIV в. фундамент тоже лежал неглубоко.

Открытие стены 1335 г. важно для истории русской фортификации, поскольку все сохранившиеся на поверхности древнерусские стены были или построены или перестроены с учетом огнестрельного оружия. О более древних

укреплениях в науке господствовали до последнего времени превратные представления. Так, В. А. Богусевич совсем недавно считал для русских крепостей XIV в. типичной толщину в 1 м. Он объяснял это тем, что, якобы, «каменные крепостные стены, сделанные до

б

в

должны были строить свои стены с расчетом на стенобитные орудия.

На основном раскопе, у церкви Ильи, стена была раскопана на протяжении 62 м, а дальше ее исследовать здесь нельзя, раскопы нельзя расширить, о чем было уже сказано.

На северо-востоке кладка стены разрушена погребениями XV в. (см. о них ниже). Здесь уцелели валуны основания, а на них среди погребений лишь кое-где целы остатки кладки, до высоты 1 м (рис. 11б).

Но направление стены было уже ясно, она должна была пересечь Попольскую улицу, поэтому в соответственном месте на этой улице была заложена вышеупомянутая разведочная траншея. Она действительно пересекла на квадратах 10, 11 и 12 искому стену, но здесь от нее тоже сохранились лишь валуны основания и небольшие куски кладки. Здесь стену раз-

рушили не погребения, а какие-то позднейшие деревянные постройки, залегавшие непосредственно на валунах. Эти постройки не выясня-

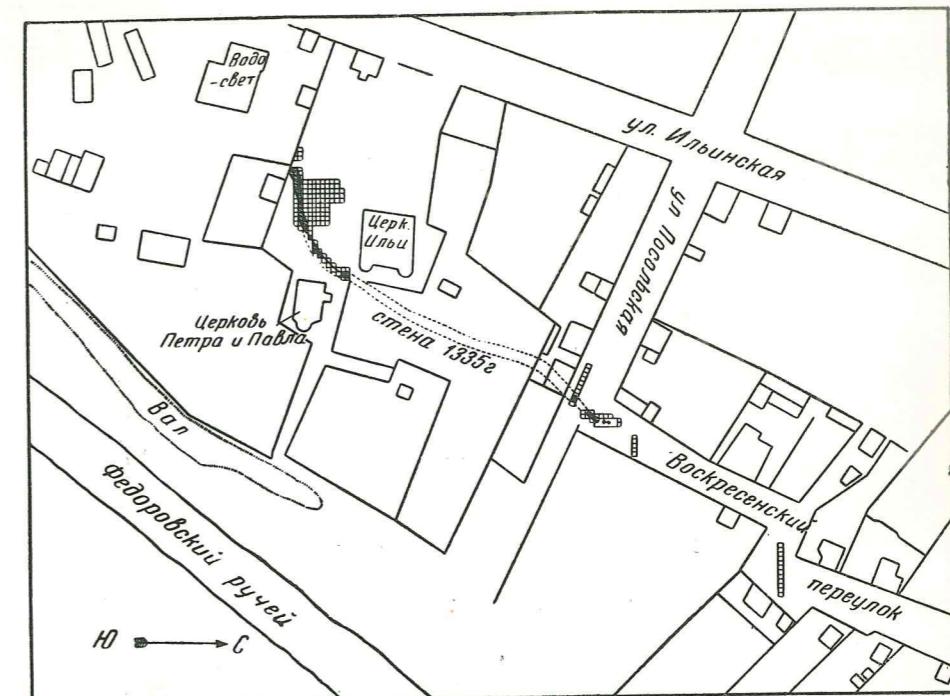

Рис. 12а. Генеральный план раскопок на Слободе и направление стены 1335 г.

лись, поскольку траншея не расширялась, и сохранность их плохая.

Разведочный раскоп на Воскресенском переулке тоже обнаружил валунное основание стены, простиравшееся от 36 до 29 квадрата, ширина его и здесь 3 с небольшим метра, но здесь оно обрывалось, и в конце грудой лежали заготовленные для фундамента валуны; постройка была в этом месте прекращена (рис. 11в). Прослеженную (хотя и с прорывом) линию стены можно нанести на план, длина ее 196 м (рис. 12а и б). На север дальше названной груды валунов она едва ли шла, но на юг она могла продолжаться. Неизвестно, доходила ли она в этом направлении до Волхова. Стена не была достроена, да и летопись упоминает только о ее закладке.

Под валунами на Воскресенском переулке был обнаружен четырехугольник хорошо сохранившегося сруба. Для его исследования часть валунов пришлось разобрать. Это оказалось врытым в землю подвал, площадью в 6×6 м; от него сохранилось 9 венцов. К сожалению, ни один музей не взял бы его целиком. Поэтому был отрублен угол, т. е. половины двух стенок и их скрепление в обло. Они доставлены в Исторический музей (по 9 венцов с обеих сторон). Высота его 0.95 м. Бревна торчат из угла наружу до 0.29, а в среднем на 0.22 м. На двух бревнах зарубки плотников: на пятом снизу 6 вертикальных черточек и на шестом — 7. Пола подвал не

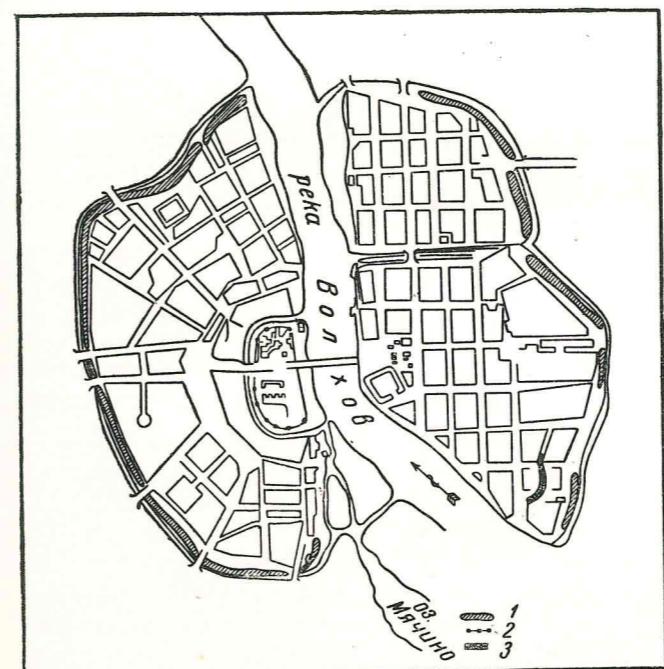

Рис. 12б. План Новгорода с нанесением на него стены 1335 г. в пределах раскопов.

1 — остатки городского вала; 2 — кремлевская стена;
3 — стена 1335 г.

²⁸ В. А. Богусевич. Порховская крепость. Новгородский исторический сборник, вып. 1, 1936, стр. 12.
²⁹ ПСРЛ, III, 59, 72, 99.

имел. При засыпке в 1335 г. сруб был еще свеж, и поэтому может быть датирован XIII—XIV в. (рис. 11г).

Раскопанный у церкви Ильи ремесленный район XII—XIII вв. должен был в XIV в. стать районом военным, но не стал, стена не была достроена. Трудно сказать, почему постройка была прекращена. Возможно, что ответ на этот вопрос дадут когда-нибудь исследования укреплений городского вала, с которыми стена должна была согласоваться, а, может быть, и пытались их заменить. Она, очевидно, не была доведена до боеспособного состояния. Вскоре она потеряла значение настолько, что в XV в. часть ее разрушили для устройства кладбища при церкви Ильи.

6

Кладбище это замечательно по возможностям его датировки. Дело в том, что в некоторые могилы положены монеты XV в. Обычай класть монеты до сих пор не был для русских городских кладбищ известен.

Погребения занимали северную и северо-восточную части основного раскопа, лежавшего к югу от церкви Ильи. В северной части (к северу от срубов) их было 26, в северо-восточной (на развалинах стены) — 38, а всего 64. Можно было иногда проследить, как более ранние погребения были потревожены более поздними. Все покойники лежали вытянуто, на спине, головами на запад. Руки в большинстве случаев согнуты на груди. Монеты заслуживают особого рассмотрения, а других вещей при погребении нет, если не считать железных гвоздей от гробов. Особо можно отметить, что кладбище дало датированный XV в. антропологический материал, он передан в Московский Антропологический музей.

Монеты встречались здесь часто, но большинство из них непосредственной связи с погребениями не имели. Некоторые из них могли быть связаны с потревоженными погребениями, другие могли быть брошены в могилы при зарывании.

Случайными эти находки считать нельзя, потому что в культурном слое вне территории кладбища монеты XV—XVI вв. отсутствовали (там попалась лишь одна серебряная новгородка XV в.), хотя слой этот был неизмеримо богаче находками, чем кладбище. А оно дало монет XV в. 29, да еще 3 монеты XVI в. и 5 нечитаемых монет, повидимому тех же веков. Особо надо отметить, что это почти все медные монеты, пулы, хотя серебряные деньги были в древней Руси, как известно, более распространены. Вероятно, обычай требовал класть с покойниками медную монету. Все монеты определил М. В. Сузин.

Дневниковые описания сделаны для всех 64 погребений, приводить их здесь не буду. Только 4 погребения были непосредственно

связаны с монетами. Все эти 4 покойника лежали на валунах разобранной стены XIV в. (рис. 13).

1. Нечитаемая монета (НЦ-6) найдена в погребении № 4 в зажатом кулаке покойника.

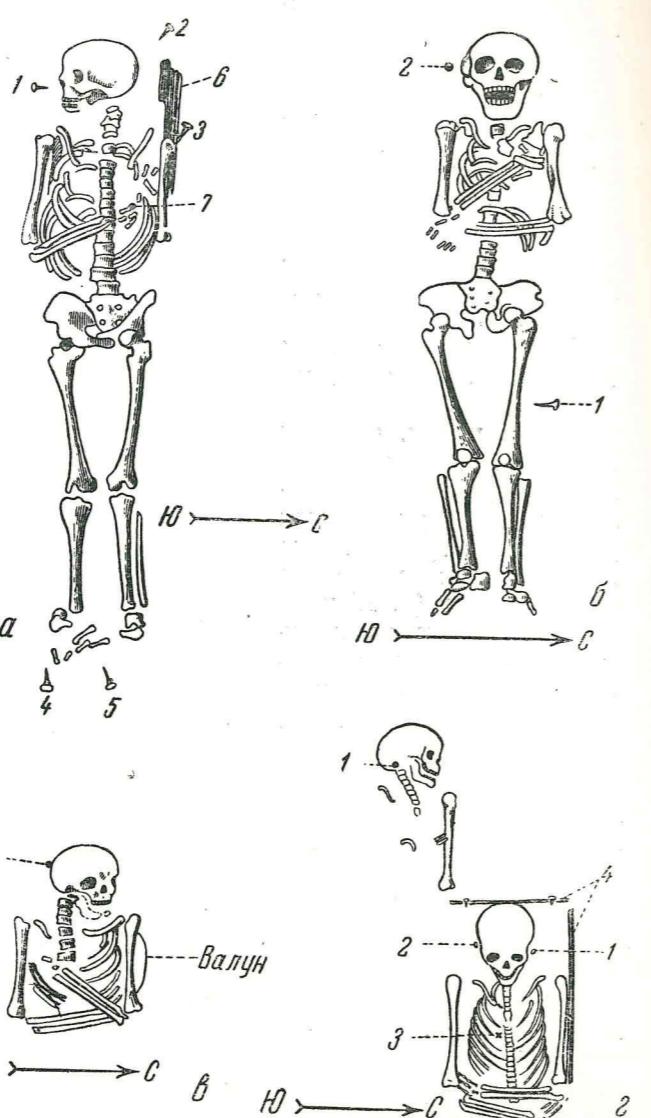

Рис. 13. Погребения.

а — погребение № 4, 1—5 — гвозди, 6 — дерево, 7 — монета в руке (нечитаемая); б — погребение № 9, 1 — гвозди; 2 — монета пуло московское XV в.; в — погребение № 13, 1 — монета пуло новгородское до 1478 г., с изображением львиной головы; внизу погребение № 25, 1—3 — гвозди, 4 — доски гроба.

2. Пуло московское (НЦ-7), Василия II или Ивана III, лежало у черепа погребения № 9. На лицевой стороне изображение птицы влево. Надпись: *поул... мос...* Медь.

3. Пуло тверское (ОЧ-7) лежало у черепа погребения № 13. На лицевой стороне изображение птицы влево с приподнятыми крыльями. На обратной стороне надпись: *...ул... тве...* Медь.

4. Пуло новгородское (ОШ-7) лежало на черепе погребения № 23. На лицевой стороне изображение львиной головы. Такая монета, изданная И. И. Толстым,³⁰ встречается очень редко. На обратной стороне надпись: *пуло новагорода*. Монета чеканена до 1478 г. Медь.

Перейду теперь к описанию остальных монет, датирующих кладбище. Они и сами по себе представляют нумизматический интерес.

5. Пуло псковское (ОЦ-4) с изображением двуглавого орла, чеканено до 1510 г. Медь.

6. Пуло московское (НЦ-5), изображение не ясно (сирена или двуглавый орел). Медь.

7. Пуло тверское (НЧ-6) с изображением птицы влево с приподнятыми крыльями. Медь.

8. Пуло московское (ОЦ-8) Василия II или Ивана III, с изображением двуглавого орла. Медь.

9. Пуло новгородское с изображением птицы вправо с распущенными крыльями. Надпись: *князя великого*. Чеканено после 1478 г. Найдено не при раскопках, а местными жителями при рытье ямы на той же территории. Дар В. В. Павловой. Медь.

10. Полушка московская (НЦ-6) Ивана III с изображением птицы влево с приподнятыми крыльями. Серебро.

11. Пуло новгородское (СК-5) с изображением двуглавого орла.³¹ Медь.

12. Такое же пуло (СМ-5). Медь.

13. Пуло новгородское (ТЛ-5) с изображением предмета, различно толкуемого нумизматами (голова в венце или сосуд).³² Медь.

14. Такое же пуло (ТМ-5). Медь.

15. Пуло новгородское (СМ-6) с изображением львиной головы. Монеты этого редкого типа (о них уже была речь выше) найдены при раскопках на Славне таким образом дважды. Медь.

16. Пуло новгородское (ТМ-6) с изображением птицы вправо с распущенными крыльями. По словам определявшего все монеты М. В. Сузина, такое пуло неизвестно и нигде не издано. Медь.

17. Пуло тверское (ТМ-5) с изображением птицы вправо с распущенными крыльями. Медь.

18. Такое же пуло (СК-6). Медь.

19. Такое же пуло (ТМ-5). Медь.

20. Пуло тверское (СМ-6) с изображением грифона вправо. Медь.

21. Пуло тверское (СЛ-6) Михаила Борисовича с изображением дракона влево и с арабской надписью: *Михай-ла-тевир-джи*. Медь.

22—25. Четыре пула, плохой сохранности,

³⁰ И. И. Толстой. Русская допетровская нумизматика, вып. 1. Монеты Великого Новгорода. II. 1884, табл. V, рис. 387.

³¹ Там же, табл. V, рис. 389.

³² Там же, табл. V, рис. 386.

XV в., ближе не определимые (ТМ-5, СМ-6, УМ-5, ТЛ-6). Медь.

26 и 27. Две полуденьги Ивана IV (обе НЦ-6), с изображением всадника с саблей, чеканенные до 1547 г. (без слова *царь*). Серебро.

28. Полуденьга Ивана IV (НЦ-6) с тем же изображением, чеканенная после 1547 г. (со словом *царь*). Серебро.

До раскопок кладбища экспедицией приобретены еще шесть новгородских пулов и три тверских, происходящие из того же района.

Почти все погребения несомненно относятся к XV в., немногие может быть к XVI в., но и это сомнительно: все три монеты XVI в. найдены вместе и могут относиться к одной поздней яме.

7

Все найденные при раскопках на Славне предметы привезены в Москву за исключением, конечно, многих находок из первого слоя. Коллекции эти огромны, особенно много, как всюду, керамики; затем следуют тоже, как всюду, кости животных. Но и отдельные находки чрезвычайно обильны.

Обломков керамики со Славна привезено 67 693 (по годам раскопок они распределяются так: 1932 г.—6130, 1934 г.—20 643, 1936 г.—18 608, 1937 г.—22 312). Все они в Историческом музее описаны и зашифрованы, так что для каждого из них можно определить место находки (квадрат, слой и пласт). Экспедиция считала нежелательным всякий отбор керамики, поскольку он может исказить количественные отношения разных сортов. Все черепки взяты и доступны для статистического изучения. По этим материалам можно составить хронологическую шкалу для изучения новгородской глиняной посуды. Но это еще не выполнено, так как требует работы нескольких человек в течение нескольких лет. Данная тема неизменно отодвигалась другими более срочными темами, но со временем она встанет перед наукой, материал для нее собран.

Краткая характеристика керамики дана выше при описании слоев. Коснусь здесь только вопроса о гончарных клеймах. Эти клейма на днищах сосудов, столь распространенные в ряде других древнерусских городов (например в Рязани), в Новгороде чрезвычайно редки. Но на Славне они все-таки встречаются в числе трех экземпляров, которые интересны по существующему между ними родству. Б. А. Рыбаков, на основе изучения ряда курганных гончарных клейм, выдвинул гипотезу о постепенном их усложнении при передаче ремесла по наследству. Для таких вариантов клейм существует этнографическое название «отпятанши». Все три славянских клейма отличаются укладываться в эту схему. Одно из них (Воскресенский раскоп, кв. 29, пл. 8) наиболее просто: овал, пересеченный прямой

линей (рис. 14а). Другое (СГ-6) состоит из двух овалов, таким же образом пересекаемых прямой линией, получается нечто вроде двух соединенных мачтами букв Ф (рис. 14б). Наконец, в третьем клейме (УЗ-8) к той же фигуре приделан еще круг на конце (рис. 14в). Можно предположить, что все это изделия од-

Собранные на Славне и привезенные в Москву кости животных изучил В. И. Громов. Общее число их 27 612. По слоям они распределются так — первый слой 5 904, второй слой 14 329, третий слой 7 379. Многие мелкие кости оказались, конечно, неопределимы. Первого слоя здесь не касаюсь.

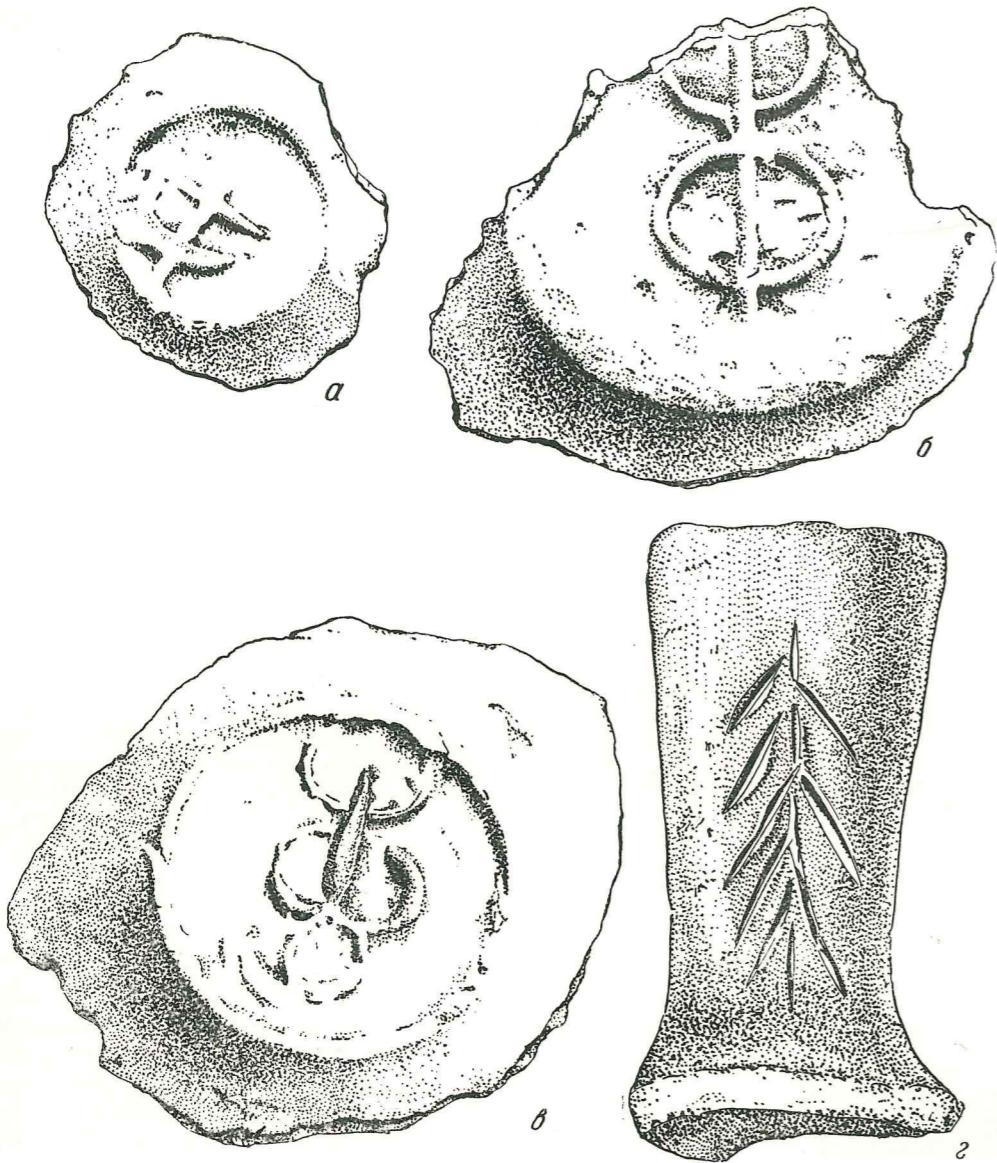

Рис. 14. Глиняные изделия.

а, б, в — гончарные клейма, г — глиняная втулка.

ной местной мастерской, постепенно усложнившей (с каждой новой переменой владельца) свое клеймо. Техника нанесения таких рисунков хорошо изучена: они вырезались на кружке для формовки днища, надевавшемся на самый гончарный круг (малый диск лежал таким образом на большом). Кружок этот присыпался песком, следы песка на данных днищах видны. Все три клейма найдены в третьем слое.

Во втором слое число определенных особей было: бык 78, свинья 47, баран или козел 33, лошадь 8, собака 8, кошка 2, волк 2, лось 1, медведь 1, дикий кабан 1, бобр 1, лисица 1. Подсчет обломков костей дал следующие процентные отношения: бык 43%, свинья 27%, баран или козел 18%, лошадь 4%, собака 4%, кошка 2%, дикие животные 2%.

В третьем слое число определенных особей было: бык 43, свинья 30, баран или козел 8,

лошадь 6, собака 6, кошка 3, лось 2, дикий кабан 2, лисица 2, медведь 1. Подсчет обломков костей дал следующие процентные отношения: бык 42%, свинья 29%, баран или козел 7%, лошадь 5%, собака 5%, кошка 3%, дикие животные 9%.

Кости быка и свиньи преимущественно принадлежали молодым животным и были, как правило, разбиты при употреблении мяса в пищу.

Кости лошади, наоборот, принадлежали преимущественно старым животным, и следов раскола на них не было. Оба признака говорят, что лошадь в пищу не употреблялась. То же можно сказать о собаке и кошке. Тем не менее кости этих животных довольно обычны; значит, их было в Новгороде очень много. Кости барана от костей козла далеко не всегда отличаются, но, по наблюдению В. И. Громова, козел преобладал и разводился не на мясо (быть может, для кожевенного производства). Большинство костей быка принадлежали мелкой породе, но В. И. Громов выделил во втором и третьем слое несколько очень крупных экземпляров. Он говорит: «Невольно напрашивается вопрос, не имеем ли мы здесь указания на следы еще сохранившихся в это время диких турнов». Но вообще изучение пород еще должно быть произведено специалистами. Довольно показательно, что процент диких животных во втором слое меньше, чем в третьем. Значение охоты постепенно падало. Впрочем, судя по той же статистике, оно и в раннем Новгороде не было велико. Наличие во втором слое бобра не удивительно, ведь еще в XVI в. в Новгороде среди ремесленников было много бобровников.³³ Птичьих костей найдено очень мало, меньше 0.5% от общего количества костей животных; это объясняется, вероятно, их плохой сохранностью. Среди них определены домашние куры и гуси (те и другие и во втором слое, и в третьем). Изучение рыбных костей и рыбьей чешуи ихтиологами еще предстоит.

Массовым материалом является также кожа, по крайней мере в избе сапожника. Попадались заготовки и куски кожи с вырезами, соответствующими частям обуви. Есть задники, головки и ряд подошв. Л. И. Якунина издала специальную работу об этих находках,³⁴ выводов ее повторять не буду. Преобладающей формой обуви были туфли-поршни, чаще остроносые, чем тупоносые. Неоднократно встречены ремни; некоторые из них прошиты. Одна головка найдена целой. Подошвы не сплошные, а слоистые, они состоят из двух-трех сшитых по краям слоев кожи. Это мож-

³³ А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. Новгородский исторический сборник, вып. 6. Новгород, 1939, стр. 10.

³⁴ Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв. КС ИИМК, XVII, 1947.

но объяснить отсутствием в Новгороде волов, из толстой кожи которых делаются сплошные подошвы. Л. И. Якунина возражала против такого мнения (высказанного в предварительном сообщении о раскопках), но при этом она спутала волов и быков.³⁵ Есть подошва, подбитая тремя массивными железными шипами, вероятно для хождения по льду (ФЕ-8).

Описание отдельных находок буду вести по материалу изделий.

Из глиняных вещей наиболее замечательны игрушки — птички, они выше уже описаны в связи с избой игрушечника. Загадочно назначение двух массивных подставок, напоминающих ноги животного или сильно схематизированные ноги человека (ТГ-6 и ТГ-7, высота по 0.1 м, длина ступни по 0.04 м). Одна из них найдена во втором слое, другая в третьем. Полый глиняный цилиндрический стакановидный предмет снаружи имеет узор, довольно точно изображающий ветку ели; предмет этот был, судя по следам отлома, частью сосуда и служил, очевидно, глиняной втулкой для деревянной рукояти (ТВ-6, высота 0.1 м), найден он во втором слое (рис. 14г). Встречена во втором слое схематическая глиняная фигурка, вероятно, недоделанная игрушка (ХЛ-5, длина 0.04 м). Имеются два глиняных шарика правильной формы (ШЬА-6, диаметр 0.02 м, ФЛ-6, диаметр 0.018 м), один во втором слое, другой в третьем. Глиняных рыболовных грузил найдено 12; все они имеют секторовидную форму с круглым отверстием в верхней части; цвет их обычно белый, длина от 0.09 до 0.14 м.

Довольно много глиняных пряслиц, их 41, почти все они зонной формы, диаметр их от 0.02 до 0.03 м, три из них имеют пунктирный орнамент. Распределение их по слоям см. ниже в связи с вопросом о шиферных пряслицах.

Среди стеклянных вещей подавляющее большинство составляют обломки стеклянных браслетов (рис. 15). Выше уже была речь о их огромном стратиграфическом значении. По цвету они распределяются так: 297 черных, 236 зеленых, 200 желтых, 89 коричневых, 52 синих, 32 голубых, 15 фиолетовых, 7 белых, 3 красных, 7 черных с желтой нитью, 6 коричневых с желтой нитью, 4 синих с желтой нитью, 3 коричневых с золотой нитью, 2 черных с золотой нитью, 2 зеленых с золотой нитью, 2 белых с золотой нитью, 2 голубых с золотой нитью, 2 зеленых с золотой нитью, 370 неопределенных (неопределенность только от плохой сохранности), итого 1332. Хорошо сохранившиеся обломки стеклянных браслетов отличаются чистыми и яркими красками. Большинство стеклянных браслетов гладкие, их 1058, витых 273, ребристый 1.

³⁵ Там же, стр. 39.

Во всех древнерусских городах стеклянные браслеты, так же как в Новгороде, одинаково характерны для слоев XI—XIII вв. (Киев, Владимир, Сузdalь, Ростов, Рязань, Псков, Муром, Дмитров, Коломна, Ладога, Чернигов, Галич, Тмутаракань, Белая Вежа и ряд малых городов). Новгородская славенская стратиграфия

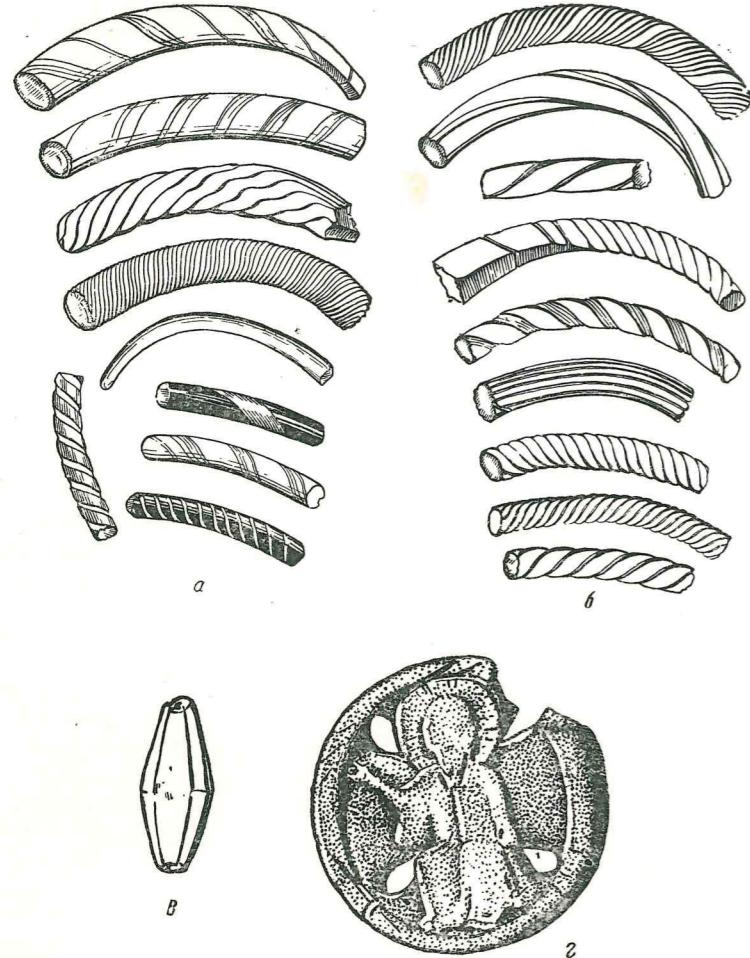

Рис. 15.

а, б — обломки стеклянных браслетов; в — сердоликовая бипирамидальная бусина; г — каменная иконка.

дает одно из убедительнейших доказательств даты. Обилие таких браслетов в городах и отсутствие в деревнях свидетельствует, что носили их горожанки; в деревнях браслеты медные.³⁶ Ношение браслетов было в древней Руси общим правилом, что свидетельствует о коротких рукавах женских одежд.³⁷

Обломков стеклянных перстней найдено 10, все они гладкие, 8 из них голубые, 1 зеленый и 1 желтый. Есть стеклянный зеленый четырехконечный равносторонний крестик (ХК-7, дли-

на 0.016 м) в третьем слое. Стеклянных бус — 186. Надо отметить полное отсутствие позолоченных стеклянных бус, столь типичных в XI—XIII вв. для курганов кривичей; в курганах новгородских славян их почти нет, а в городском слое Новгорода пока совсем не найдено. Вообще попытки многих ученых объединить новгородских славян и кривичей в одно племя нельзя признать основательными: против этого одинаково восстают летописные тексты и типология вещей, в частности бус. Возвращаясь к стеклянным бусам из Славна, надо сказать, что почти все они зонные, т. е. простейшей формы, бесполезной для хронологических и иных выводов. По цвету преобладают зеленые, желтые и голубые. Можно упомянуть две груды бус, представляющие собой как бы целиком найденные ожерелья. В одной такой груде 58 зеленых бисеринок (РВ-8, длина их по 0.003 м), в другой — 16 красных бус (ПД-7, длина их по 0.009 м).

Каменные изделия весьма разнообразны. Наиболее многочисленны среди них шиферные пряслица, их 46. Цвет их обычно розовый, иногда серый, форма биконическая, диаметр от 0.015 до 0.03 м. Эти веретенные грузики встречаются во всех древнерусских городах, в одних слоях со стеклянными браслетами, производились они в Овручке на Волыни, специальное исследование им посвятил Б. А. Рыбаков.³⁸ На Славне они связаны с третьим слоем, хотя и не так четко, как стеклянные браслеты. В первом слое найдено одно шиферное пряслице (очевидно из перекопа), во втором — 13, в третьем — 32.

Интересно сопоставить с этим распределение по слоям глиняных пряслиц, о которых речь шла выше. Тех в первом слое 6, во втором — 27, в третьем — 8. Здесь можно видеть закономерность. Б. А. Рыбаков пишет:

«В послемонгольскую эпоху выделка шиферных пряслиц и торговля ими совершенно прекратились, и русские женщины вновь вернулись к глиняным».³⁹ Этот вывод, основанный на археологических материалах всех русских областей, подтверждается и новгородской стратиграфией на Славне. Наличие некоторого количества шиферных пряслиц во втором слое объясняется, вероятно, длительным бытованием этих прочных вещей, но там решительно преобладают глиняные, в третьем слое редкие. Овручские мастерские были, очевидно, разрушены монголами, это отразилось и на быте

³⁶ А. В. Арциховский. Русская одежда XI—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета, 3. М., 1945, стр. 5.

³⁷ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА СССР, № 7, М., 1947, стр. 17.

³⁸ Б. А. Рыбаков. Овручские пряслица. Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета, 4, 1946.

³⁹ Там же, стр. 26.

городов, не затронутых нашествием, в том числе Новгорода.

Один раз встречена сердоликовая бипирамидальная бусина; о распространении этих бус, надежного археологического признака восточных славян, мне уже случалось писать.⁴⁰ Славенская находка не отличается от обычных курганных бус (Воскресенский раскоп, кв. 15, пл. 6, длина 0.022 м). Залегала она в третьем слое (рис. 15). Янтарных бус было 6: 3 зонные, 1 миндалевидная, 1 цилиндрическая и 1 рыболовидная. Найден во втором слое один яркожелтый янтарный крестик, четырехконечный, равносторонний, гладкий, один конец его обломан (ШВА-6, длина 0.03 м).

Встречено два обломка массивных песчаниковых крестов обычного новгородского типа (круг с четырьмя дуговыми вырезами); подобные кресты вделаны в стены многих новгородских церквей. Они располагаются в стенах без всякого порядка, но не густо, и являются, повидимому, обетыми вкладами отдельных граждан или городских корпораций. Их называют закладными или поклонными крестами. Большинство новгородских церквей имеет такие вставки, и они принадлежат чаще всего к этому типу.

Найденная у восточной стены избы сапожника (у двери) каменная иконка (ФЕ-8, диаметр 0.04 м) относится, по определению Ф. Я. Мишукова, к XIII в. Форма креста близка к только что упомянутым новгородским. Иконка представляет собой круг, которому четыре миндалевидных прорези придают форму креста. В середине сидящая фигура Христа в крестом нимбе с благословляющей правой рукой. Цвет коричневый, материал, по определению Г. Г. Леммлейна, хлоритовый сланец. Этот предмет найден в третьем слое, в избе сапожника (рис. 15).

Встреченные неоднократно куски слюды (они находились как бы пачками) заставляют предположить, что в древнем Новгороде применялись слюдяные окна (ФЕ-7, РЕ-7, РЕ-6, УЗ-6). Все эти находки сделаны в третьем слое.

⁴⁰ А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. Труды Отделения археологии, I, 1926.

Точильные бруски по материалу делятся на две группы: сланцевых найдено 4 и песчаниковых тоже 4.

Семь раз найдены обломки жерновов, обычных ручных вращаемых. Но целых их образцов на Славне не встреченено. Зато при тех же раскопках экспедиция приобрела полную пару жерновов, найденную в Новгороде в 1937 г.

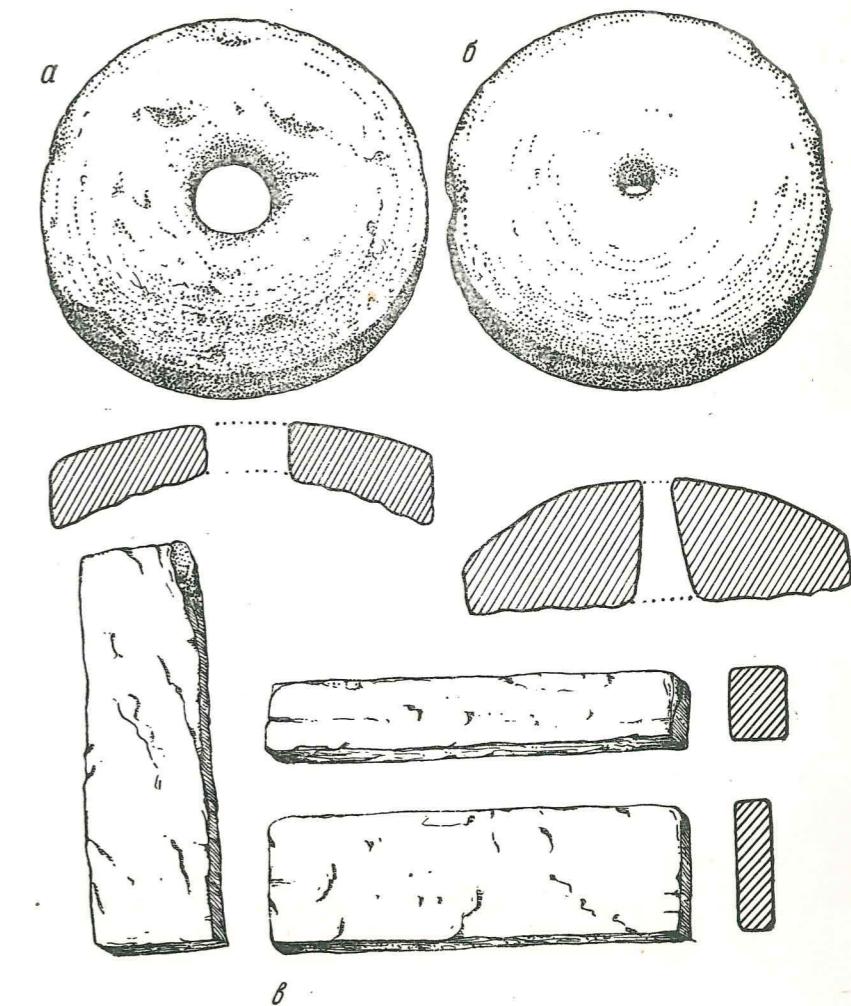

Рис. 16.

а, б — жернова; в — каменные плитки пола.

при земляных работах (точное место находки не установлено). Ценность их в том, что они отлично подходят друг к другу и работали несомненно вместе (рис. 16а, б). Верхний жернов, как полагается, вогнутый, диаметр его 0.38, диаметр отверстия 0.08 м. Нижний жернов, тоже, как полагается, выпуклый, диаметр его 0.39, диаметр отверстия 0.03 м. Сделаны жернова из песчаника, что довольноично. Подобные жернова издал Б. А. Рыбаков, прославивший во Вещиже технику мукомольного дела.⁴¹

⁴¹ Б. А. Рыбаков. Жернова Вещиженского города. КС ИИМК, XI, М., 1945.

Надо упомянуть еще одно подобное приобретение. В 1937 г. в Новгороде на углу улиц Славной и Либкнехта при водопроводных работах на глубине 2.25 м был обнаружен сплошной настил, состоявший из каменных плиток. Плитки эти управление водопровода передало экспедиции. Число их 22, все они представляют собой вытянутые прямоугольные четырехугольники, средняя длина 0.18, средняя ширина 0.05, средняя толщина 0.015, все они плоски. Можно предполагать пол богатой постройки. Материал — песчаник (рис. 16в).

Костяные изделия сравнительно немногочисленны, зато некоторые из них интересны своим узором. Такова, например, резная морда, служившая, вероятно, орнаментальной накладкой на какую-то вещь (ХЛ-6, длина 0.035 м). Она отдаленно похожа на маски владимиро-суздальских рельефов, но больше сходства имеет с причудливыми мордочками, торчащими на многих новгородских книжных инициалах. Точные аналогии мне неизвестны. Гротескность изображения усиlena всемерно: над глазами узор из заштрихованных треугольников, нос в виде полосы с ромбом внизу, по бокам заштрихованные полоски в виде бакенбард, рта совсем нет. Найдена эта морда в избе игрушечника, непосредственно под слоем засыпки 1335 г. (рис. 17а).

Нарядно украшен маленький предмет, явно предназначенный для чистки ногтей (Воскресенский раскоп, кв. 17, пл. 9, длина 0.085 м). Он заканчивается кривым тонким желобком и заострением. Для уховертки он слишком остэр, для шила, проколки и т. д. слишком тонок и узорен. Судя по этой находке, древние новгородцы заботились о чистоте ногтей. Верхняя часть предмета сделана в виде петушиного гребешка. Совершенно такие же петушиные гребешки украшают, как правило, новгородские книжные инициалы. В альбоме книжных орнаментов В. В. Стасова точные аналогии имеются почти на каждой новгородской странице.⁴² Под гребешком у ногтечистки круглое отверстие, предназначенное для ее подвешивания. Ниже идет круглый валик, затем продолговатый цилиндр, покрытый тонкой шахматной резьбой, затем снова круглый валик и, наконец, рабочая часть. Ногтечистка найдена в третьем слое (рис. 17б).

Костяная шпилька от прялки (Посольский раскоп, кв. 3, пл. 2, длина 0.14 м) совпадает почти целиком с такой же шпилькой, найденной в Москве при археологических работах М. Г. Рабиновича у устья Яузы.⁴³ Она имеет навершие в виде петушка, голова которого отломана (на московской шпильке отломан хвост). Под навершием четыре крестообразно

⁴² В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887.

⁴³ М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. Материалы и исследования по археологии СССР, № 7. М., 1947, стр. 75.

расположенных круглых отверстия (у московской шпильки одно отверстие, и это единственное между ними различие). Стержень шпильки вверху орнаментирован спиральной нарезкой (у московской шпильки даже орнамент такой же). Назначением этого предмета было вытягивание нити, идущей на веретено. Найден он в перекопе, слой там неясен (рис. 17в).

Костяная привеска — уточка (УГ-4, длина 0.035 м) имеет ряд точных аналогий в средневековых древностях Прикамья, там такие уточки распространены от Волжско-Камского края до Урала.⁴⁴ Но они встречены также на огромном расстоянии оттуда, в курганах радимичей.⁴⁵ Все эти птички имеют выгнутую шею, плоское основание и вертикальное сквозное отверстие. Новгородская находка залегает во втором слое (рис. 17г).

Среди костяных гребней преобладают двусторонние трапецевидные. Во всех древнерусских городах этот тип обычен, встречается он изредка и в курганах. Гребни, находимые при раскопках, имеют почти всегда поломанные зубья. На Славне найдены три костяных двусторонних трапецевидных гребня, поддающиеся полной реконструкции, самый большой из них (ПВ-10, длина 0.095 м) имеет 6 редких зубьев и 54 частых; орнамента на нем нет, найден он в третьем слое (рис. 17д). Второй гребень (Воскресенский раскоп, кв. 37, пл. 5, длина 0.075 м), имеет 11 редких зубьев и 49 частых, найден он во втором слое. Средняя его часть покрыта циркульным узором; основу этого узора составляют три больших обода из двух концентрических кругов каждый; все они окаймлены маленькими кружочками; в целом получается мотив солнца и лучей; для нанесения этого узора сделано циркулем 22 оборота при минимальном растворе, 3 при среднем и 3 при большом (рис. 17е). Третий гребень (ХИ-6, длина 0.07 м) имеет 13 редких зубьев и 29 частых. Найден он в избе игрушечника, непосредственно под засыпкой 1335 г. Он тоже покрыт циркульным узором, основу которого тоже составляют три таких же обода; маленькие кружочки стоят у них по краям; для нанесения этого узора сделано циркулем 14 оборотов при минимальном растворе, 3 при среднем и 3 при большом (рис. 17ж). От двух гребней того же типа сохранились небольшие обломки (УЖ-8, ФЖ-6). Наконец встречены, тоже в обломках, два гребня другого типа, тоже костяные и двусторонние, но длинные, с костяными накладками, прибитыми медными гвоздиками (табл. СД-9).

Циркульный орнамент для древнерусских

⁴⁴ А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26. СПб., 1902, стр. 30, табл. XII, рис. 19.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Радимичи. Працы Археолагічнай Камісіі, т. 3. Мінск, 1932, стр. 93, табл. VI, рис. 9.

гребней типичен, да и вообще изделия, украшенные этим узором, обычны во всех древнерусских городах, свидетельствуя о широком распространении циркуля, что уже отметил историк математики Б. В. Гнеденко.⁴⁶ На

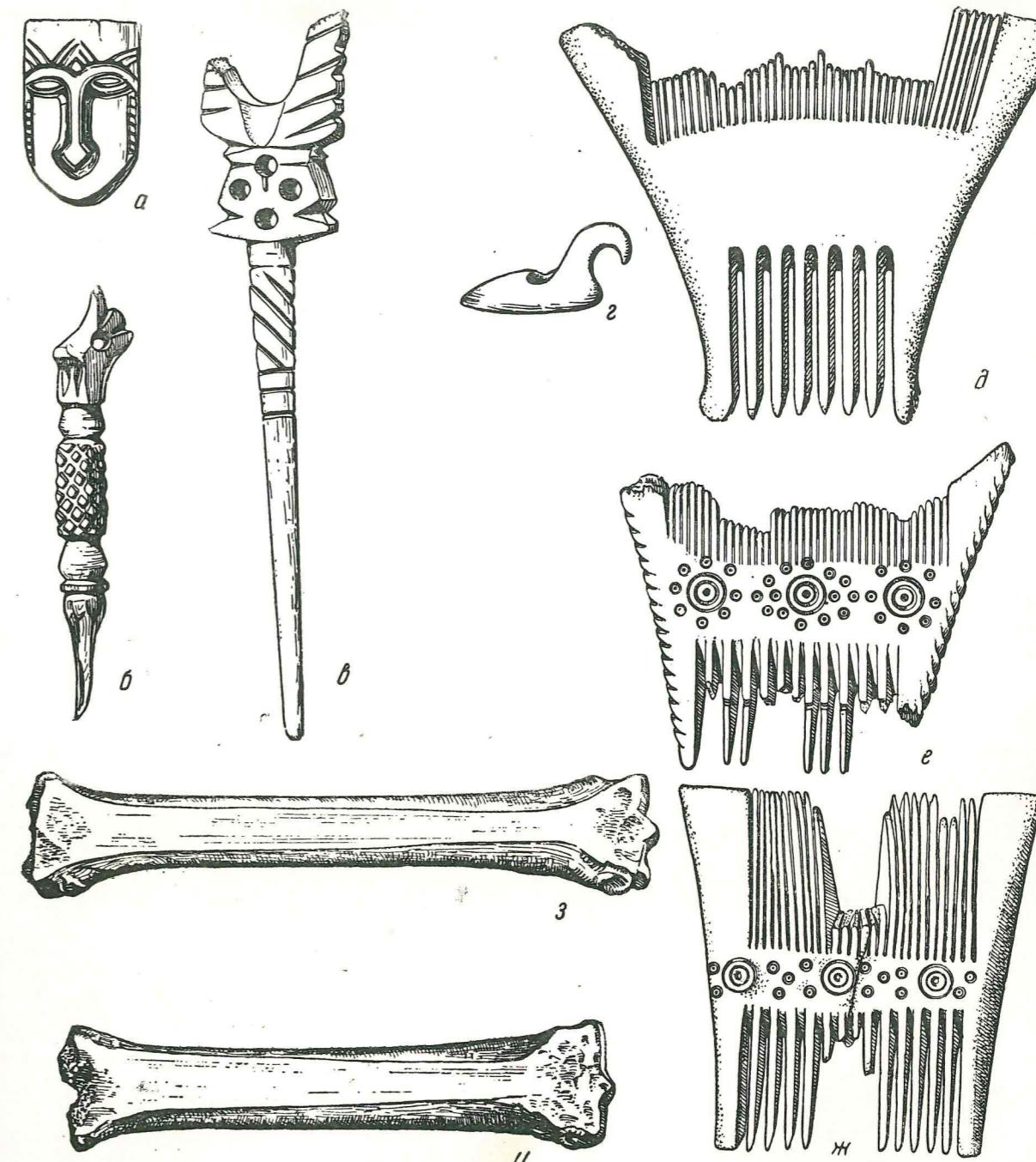

Рис. 17. Костяные изделия.

Славне, кроме описанных гребней, встречены еще три костяные предметы с тем же орнаментом: четырехугольная пряжка с вырезами (ХК-6, длина 0.037 м), набалдашник сферо-

еще костяная рукоять ножа только с линейным орнаментом (Воскресенский раскоп, кв. 18, пл. 8, длина 0.02 м).

Найденный в третьем слое рог лося (обломок с двумя ветвями, Воскресенский раскоп, кв. 32, пл. 7) имеет следы распила и явно побывал в костерезной мастерской.

⁴⁶ Б. В. Гнеденко. Очерки по истории математики в России. М., 1946, стр. 13.

Имеются еще костяные крюк (плоский с круглым отверстием для прикрепления), булавка, пряслице, свисток и пуговица.

В. И. Громов, разбирая кости животных, обнаружил ряд незамеченных при раскопках коньков. Он пишет: «коньки найдены во всех слоях по несколько штук. Они приготовлялись из метакарпальных, метатарсальных или лу-

мко и для коньков. На огромных водных зеркалах Новгородской земли охотники зимой могли бегать по льду, не везде покрытому снегом; были, как известно, на льду и битвы, одна из которых стала знаменита. Но, конечно, лыжи были гораздо важнее для охоты и для войны, и, вероятно, найденные на Славне коньки употреблялись преимущественно деть-

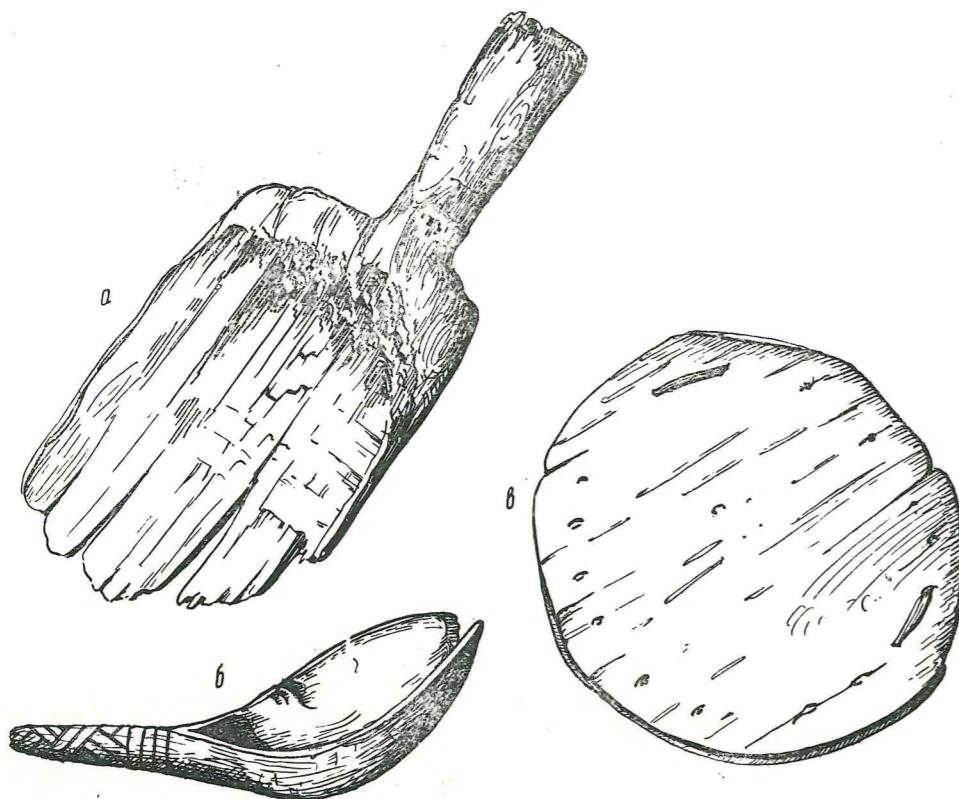

Рис. 18. Деревянные изделия.

чевых костей исключительно лошадей. В первом случае подшлифовывалась передняя поверхность метаподия и несколько обивались дистальные части спереди. Во втором срезалась локтевая кость, а передняя часть обрабатывалась, как у метаподий. Отверстий для подвязывания к ноге не наблюдалось ни в одном случае».

Следы обработки на этих предметах иногда едва заметны, и тогда трудно отличить конек от простого обломка кости, таким образом даже число их определить затруднительно. Но некоторые заглажены довольно тщательно. Письменных известий о древнерусских коньках нет, хотя о лыжах они имеются. Лыжи применялись на Руси охотниками и усовершенствованы воинами,⁴⁷ подобное развитие воз-

ми (рис. 17з, и). Длина издаваемых экземпляров 0.21 и 0.24 м.

Дерево на Славне сохранялось в разных местах в разной степени. Бревна срубов в третьем слое более или менее сохранились на всей территории раскопа, но деревянные изделия дошли до нас почти исключительно в северной его части, т. е. там, где стояли жомы, целость которых тоже объясняется, очевидно, особы благоприятными почвенными условиями. Так было положено начало изучению деревянной бытовой обстановки древней Руси. Все эти изделия залегали в третьем слое.

Деревянный совок с деревянной рукоятью (ПЕ-8, длина 0.335 м), большой, массивный и широкий, с тщательно выдолбленным лотком, предназначался, вероятно, для черпания зерна из мешка (рис. 18а). Деревянная ложка (РГ-10, длина 0.12 м) отделана очень

тищательно, и ручка ее покрыта тонким резным узором из переплетения спиральных лент (рис. 18б). Два берестяные днища туесов (целое — РГ-9, диаметр 0.14 м, неполное — РГ-12, диаметр 0.2 м) имеют по периферии много мелких дырок для скрепления со стенками (рис. 18в). От ковша (ПЕ-9) найдены мелкие обломки. Два деревянных гребня при-

Среди железных изделий представлены все основные категории. Выше уже упоминался кузнецкий молоток, найденный вместе с крицами и стратиграфически датируемый 1335 г. (РГ-7, длина 0.14 м). Боек у него прямой и плоский, обух раздвоен и слегка загнут вниз, рукоять у него железная, т. е., точнее говоря, железный штырь, на который надевалась де-

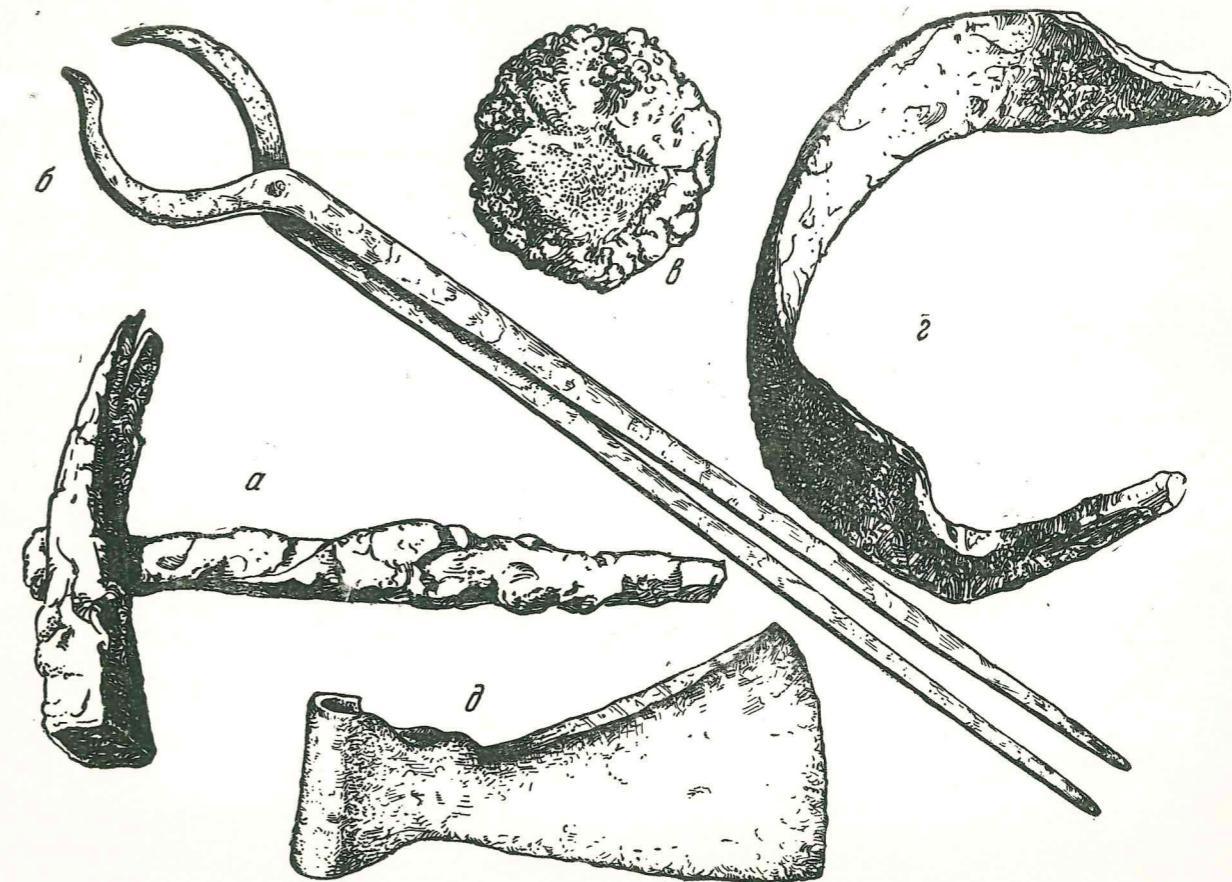

Рис. 19. Железные изделия.

ревянная рукоять. Молотки в археологических материалах редки, мне в свое время пришлось дать перечень их находок и типологическую характеристику,⁴⁸ это избавляет меня от сопоставлений здесь, тем более, что точных аналогий нет. Раздвоенный обух у нас до описываемой находки не встречался (рис. 19а).

Кузнецкие клещи во время раскопок 1937 г. найдены при водопроводных работах на Нутной улице, против дома № 23, на глубине 2 м и переданы экспедиции. Их значительная длина (0.77 м), а также плавная кривизна и вытянутость губ (одна из которых немного обломана) свидетельствуют о высокой технике кузнецкого дела (рис. 19б).

⁴⁷ А. В. Арциховский. Лыжи на Руси. Труды Института этнографии, I, М., 1947.

⁴⁸ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 81—82.

Выше описаны крицы (рис. 19в).

Скобель (*СИ-7*, ширина 0.1 м), т. е. орудие для сдирания коры с бревен и для строгания, уже описан мною в связи с находкой такого же скобеля при моих раскопках в кургане XIII—XIV вв. в Царицыне под Москвой, там мною приведен ряд данных по истории этого орудия.⁴⁹ Его широкая и тонкая остролезвийная пластинка имеет дугообразную и сводчатую форму, две ручки в плане перпендикулярны этой пластинке, у описываемого

Ножей встречено много больше, чем всех других орудий труда, а именно 130. Все они обычного древнерусского типа⁵¹, с прямой спинкой и слегка изогнутым лезвием, однолезвийные. Длина их (с черенком) колеблется от 0.05 до 0.25 м, а у большинства от 0.12 до 0.15 м.

Кресала, т. е. орудия для высекания огня, в древней Руси встречаются двух типов: ободковые и калачевидные. Оба типа много раз изданы. На Славне решительно преобладали ободковые, их найдено одиннадцать, а калаче-

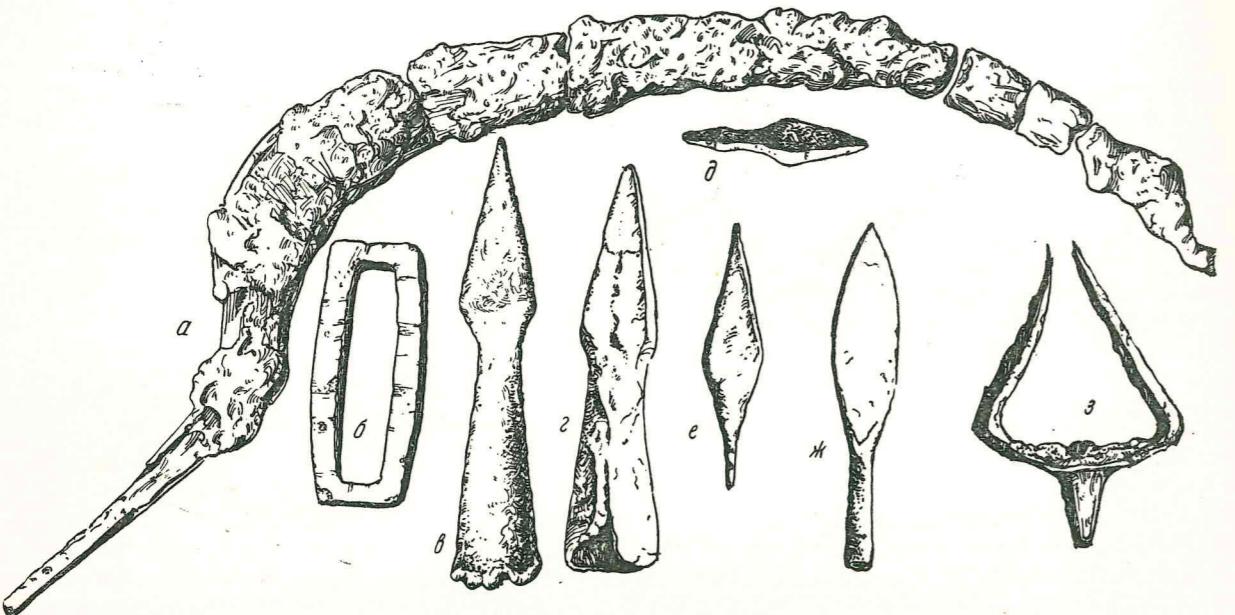

Рис. 20. Железные изделия.

экземпляра обе они обломаны. Он найден в третьем слое (рис. 19г). Царицынский скобель совершенно подобен новгородскому, но он немного меньше и сохранил целиком одну из своих ручек. Найден на Славне и второй скобель (*ШМ-6*, длина 0.14 м), но от него сохранилась лишь одна сторона, зато с ручкой.

Топор (*УЕ-5*, длина 0.19 м) похож на многие курганные и городищенские топоры. Он найден во втором слое (рис. 19д). Наиболее полная аналогия ему встречена в кургане у Капшайлы близ города Олонца. Найден на Славне и второй топор (*ФЛ-8*), но обломанный.

Серп (*ФМ-8*, длина 0.52 м) встречен в третьем слое (рис. 20а). Он ближе всего подходит к серпу, найденному в кургане XI—XII вв. у Большой Бремболя близ Переяславля-Залесского при раскопках Уварова (изданные рисунки не совсем точны), для которого мною вычислено уравнение.⁵⁰ Найден на Славне и второй серп (*ПГ-4*), но от него сохранились лишь обломки, равно как и от косы (*РГ-6*).

⁴⁹ А. В. Арциховский. Царицынские курганы. МИА СССР, № 7, М., 1947, стр. 79—80.

⁵⁰ А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. Труды Секции археологии, IV, М., 1928, стр. 40.

видное только одно (обломанное). Ободок снаружи, как обычно, четырехугольный (с немного выгнутыми боками), внутри, как обычно, близок к овалу (рис. 20б; длина изображенного здесь экземпляра 0.06 м).

Из орудий труда можно еще назвать две стамески (тонкие, плоские и прямые, *ШК-6*, длина 0.09 м, *ОД-10*, длина 0.14 м), три коchedыга (*ЦГ-7*, длина 0.08 м, *ФВ-9*, длина 0.23 м, *ОД-10*, длина 0.07 м), 13 шильев (из них 5 найдено в квадрате *ФВ* рядом с зольником). Ножницы выше описаны (см. зольник).

Оружие представлено двумя копьями и тремя стрелами.

Одно копье (*ШЕ-2*, длина 0.19 м), треугольное, имеет много приблизительных аналогий в археологических материалах нашей страны; этот простой тип держался в течение всего средневековья. Найдено оно в первом слое, куда, вероятно, попало из перекопа (рис. 20в).

Другое копье (*ЧБА-5*, длина 0.08 м) пико-видное и четырехгренное; с XV до XVII в. это наиболее распространенные копья. Наш новгородский экземпляр своеобразен, он массив-

нее и короче, чем другие копья этого типа. Найден он во втором слое, что соответствует приведенной дате (рис. 20г).

Первая стрела (*УД-9*) имеет очертания четырехгранной пирамидки с шейкой и упором на черешке. В коллекциях Исторического музея имеется ряд аналогий: в домонгольских городищах Остерский Городец (на Черниговщине) и Старая Рязань, во владимирских курганах того же времени⁵² и т. д. Найдена она в третьем слое (рис. 20д). Длина 0.037 м.

Вторая стрела (Воскресенский раскоп, кв. 37, пл. 6) вытянутая, ромбовидная, почти ромбическая, с тонким черешком имеет в Историческом музее тоже аналогии из Старой Рязани и владимирских курганов, но найдена она во втором слое (рис. 20е). Длина 0.053 м.

Третья стрела (*НЧ-6*), лавролистная и втульчатая, принадлежит к типу, который у нас встречается только в Прибалтике. В Историческом музее он представлен в материалах могильников Латвии (Шлоттенгоф, раскопки Богоявленского, и др.). В Новгород он проник таким образом от ближайших западных соседей. Найдена эта стрела в кладбищенском слое XV в. (рис. 20ж). Длина 0.065 м.

Итак, стрелы в Новгороде встречаются гораздо реже, чем в других русских городах. Объясняется это, я думаю, тем, что Новгород почти не подвергался осадам. Вспомним многочисленные летописные рассказы о стрелах, летевших во время осад «аки дождь» в другие города. От этих осад и остались стрелы, изобилующие в культурном слое многих среднерусских городов.⁵³

Тринадцать раз встречены так называемые шипы гнездовского типа, состоящие из острия, сваренного со скобой. Шесть из них залегали во втором слое и семь в третьем. Они вполне подобны шипам, часто находимым в гнездовских курганах X в.⁵⁴ и прикреплявшимся к обуви, вероятно, для хождения по льду. Судя по стратиграфии, они применялись гораздо дальше, чем до сих пор считали (рис. 20з; длина изображенного здесь экземпляра 0.06 м).

Шпора (*РГ-13*, длина 0.14 м) имеет коническое острие и изогнутые под тупым углом концы скобы. На них ушки для привязывания. По классификации Деммэна, шпоры с подобными коническими длинными остриями распространены во всей Европе IX—XIII вв.⁵⁵ С XIV в. повсеместно господствуют шпоры со звездчатыми колесиками, встречающиеся и у нас, в том числе найденные в Новгородской земле при курганных раскопках Л. К. Ивановского

⁵² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 136, рис. 99.

⁵³ А. В. Арциховский. Русское оружие XI—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета, 4, М., 1946, стр. 13.

⁵⁴ В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28. СПб., 1902, табл. IX, рис. 20—23.

⁵⁵ А. Деммэн. Guide des amateurs d'armes. Paris, 1879, стр. 364, рис. 5—13.

(Исторический музей). Наша новгородская шпора лежала на очаге под настилом, в самой древней части третьего слоя.

Из железных изделий найдены еще 2 сковородные рукояти, 20 скоб, 8 дверных пробоев, 40 крюков, 8 дверных накладок, 11 ключей, 37 колец, 18 обувных подковок и 1 лошадиная подкова. Больше всего, конечно, железных гвоздей: их 563, шляпочные гвозди преобладают над костылями (во всех слоях и пластиах).

Из свинцовых изделий наиболее интересны две хорошо читаемые печати. Это обычные вислые печати древнерусских документов. Форма их круглая.

Одна из них (*ФК-6*, диаметр 0.025 м) имеет на лицевой стороне изображение святого с текстом под титлами «Двд», на оборотной стороне надпись в четыре строчки, «печть новоторж скогона местни». Последние две буквы «ка» не поместились. Между второй и третьей строками крест, над ним точка (рис. 21а). Новый Торг, ныне Торжок, был известным новгородским пригородом. Данного наместника, судя по изображению тезоимениного святого, звали Давидом. Совершенно такая же печать найдена в 1879 г. в самом Торжке на огороде, и, судя по рисунку, изданному А. К. Жизневским, оба экземпляра сделаны с одной матрицы.⁵⁶ А. В. Орешников сближает находку 1879 г. с печатью, найденной в 1843 г. в Московском Кремле, в кладе XVI в., поскольку на той совершенно такое же изображение св. Давида, хотя на обороте не надпись, а крест.⁵⁷ Остробородый святой изображен погрудно на толстом и невысоком столбе или дереве, он определен А. В. Орешниковым, указавшим на описание св. Давида Солунского в иконописном подлиннике: «седаки Власей, седит на дереве, древо велико, от земли низко».

Печати новоторжских наместников известны и с другими именами. С именем Алексея их целый ряд: одна из них найдена в том же московском кремлевском кладе XIV в., некоторые сохранились в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов, другие найдены в бывшей Тверской губернии.⁵⁸ Есть печать с именем Ивана (происхождение неизвестно).⁵⁹ С именем Василий две печати найдены в бывшей Тверской губернии⁶⁰ и одна в Крыму, в Херсонесе.⁶¹ Связь этого города с Новгородской землей бесспорна; Миннз отмечает в этой связи найденный в Херсонесе клад новгород-

⁵⁶ А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. Археологический отдел, М., 1880, стр. 186.

⁵⁷ А. В. Орешников. Материалы к русской сграфитике. Труды Московского нумизматического общества, т. III, вып. 1, М., 1903, стр. 145.

⁵⁸ Там же, стр. 146—147.

⁵⁹ Там же, стр. 147.

⁶⁰ Там же, стр. 147—148.

⁶¹ А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. Вестник древней истории, 1939, № 1, стр. 129.

ских гривен; городская жизнь в названном древнем городе длилась до XV в.⁶² Надпись на оборотной стороне всех перечисленных печатей одинакова по тексту, но различается по орфографии. Находки их группируются преимущественно вокруг самого Торжка, раскопки дали теперь одну и в Новгороде, пригородом которого был Торжок. А. В. Орешников по упомянутому московскому кремлевскому кладу датирует печати новоторжских наместников преимущественно XIV в., что подтверждается и формой букв. Новгородская стратиграфия этому соответствует, печать

Рис. 21. Свинцовые и медные вещи.

найдена в избе игрушечника непосредственно под засыпкой 1335 г.

Вторая печать (ХК-7, диаметр тоже 0.025 м) на лицевой стороне имеет надпись в три строки «Са вина печат» (имя, таким образом, дано не фигурой тезоимениного святого, а непосредственно), на оборотной стороне надпись в четыре строки «тию наноу гродск го» (рис. 21б). Эта находка напоминает о том, что раскопки могут давать новые сведения и по политической истории Новгорода: ведь должность тиуна новгородского в летописях и актах неизвестна (упоминаются тиуны владычные, княжеские, боярские и т. д.). Такие же неизданные и даже неописанные печати обнаружены мною в обширных сфрагистических собраниях Новгородского музея, это случайные городские находки. Одна из них принадлежит тому же тиуну Савве и имеет такой же текст. Другие отличаются по име-

растопыренных пальцев, может быть, перчатка) и жезл; это возбудило интерес, поскольку посадницкий жезл составил, вместе со степенью, основу новгородского герба;⁶³ к сожалению, несмотря на консультацию ряда специалистов, не удалось прочесть неясные буквы этой печати; не выяснено даже, русские они или латинские.

Кроме печатей, из свинца сделаны две небольшие пломбы (ТД-4 и Посольский раскоп, кв. 3, пл. 5, длина обеих по 0.02 м). Обе они плоские, форма их почти квадратная, на обеих вытиснен один и тот же знак, состоящий из трех колец (рис. 21в). Я в предварительном сообщении ошибался, видя здесь сходство со знаками на рязанских монетах,⁶⁴ сходство скорее с самаркандской тамгой Тимура, хотя прямые сближения преждевременны. Обе пломбы найдены во втором слое.

⁶² А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. Ученые записки Московского университета, 93, М., 1946, стр. 51.

⁶⁴ СА, III, стр. 191.

Изделия из меди и ее сплавов лучше не разделять: есть ряд постепенных переходов от меди к бронзе и от бронзы к так называемому белому металлу.

Печатей, предназначенных для оттискивания изображений на воске и подобных материалах, найдено две. Одна из них представляет собой плоский щиток и имеет на обратной стороне маленький вертикальный полуovalный ободок, за который надо было держаться при оттискивании. Этот ободок служил и для подвешивания печати (ее могли носить на поясе). Изображение выпуклое, оттиск получался вдавленный. Представлен мохнатый зверь с когтистыми лапами и поднятым пушистым хвостом (ЧЛ-5, ширина 0.025 м). Такая же печать найдена в Прикамье, в селе Ильинском, на реке Обе, к северу от Молотова; А. А. Спицын датирует ее XIII—XIV вв., но неуверенно.⁶⁵ Звери очень похожи, даже в деталях, хотя отлиты в разных формах, размеры тоже совпадают, совпадают и общая фигура предмета — щиток и ободок. Различие только в том, что камский щиток круглый, а новгородский миндалевидный; впрочем, рабочая часть и у него круглая; зверь на обеих печатях находится в кольцевидной выпуклой рамке. Старинные тесные связи Новгорода и Верхнего Прикамья общеизвестны. Описываемый щиток найден во втором слое (рис. 21г).

Вторая подобная печать включена в перстень. Это круглый щиток с вдавленным изображением, оттиск получался выпуклый. Представлен зверь вроде коня, но вместо ног у него какие-то клешни; хвост поднят; вокруг зигзаговый ободок (СЛ-5, ширина 0.02 м). Сходство с печатными перстнями XVI—XVII вв. имеется, но точные аналогии мне не известны. Фигурки, стоящие на клешнях, довольно обычны в новгородских книжных инициалах XIV в., но сходство и здесь довольно отдаленное. Печатный перстень найден в кладбищенском слое XV в. (рис. 21д).

Дважды найдены нательные кресты — энколпионы или, точнее говоря, их отдельные створки. Первый (ФВ-5, длина 0.07 м) имеет усложненную ломаными очертаниями форму, мало похожую уже на крест. Изображено «распятие с предстоящими», по бокам ангелы, вверху лики солнца и луны. Крест распятия восьмиконечный. Это лицевая створка. Совершенно такой же энколпиона, совпадающий во всех деталях, издан Б. И. Ханенко и датирован XIII в.⁶⁶ Наш новгородский экземпляр найден во втором слое, что может объясняться длительностью бытования (рис. 22а).

Второй нательный крест (СК-7, длина 0.1 м) имеет круглые расширения концов. Совершенно такой же, совпадающий во всех деталях,

⁶⁵ А. А. Спицын. Древности камской чуди, табл. XVII, рис. 24.

⁶⁶ Б. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, табл. VIII, № 98.

издан В. Н. Перетцом и датирован XV в. или первой половиной XVI в.⁶⁷ Это оборотная створка. Центральная фигура, по определению В. Н. Перетца, — Иоанн Предтеча, а восемь святых, изображенные попарно в четырех круглых клеймах на концах креста, едва ли могут быть определены, названный исследователь воздержался от их истолкования. Надписи на обоих сравниваемых крестах стерты. Описываемый новгородский экземпляр найден в кладбищенском слое XV в., что вполне соответствует приведенной дате (рис. 22б).

Медный грузик (УВ-8, длина 0.05 м) грушевидный и сплющенный, вверху имеет петлю. Обе стороны орнаментированы: по краям растительный узор, в центре лицевой стороны в овале изображение птицы. Предметы совершенно такой же формы найдены в Киеве и изданы Б. И. Ханенко, который считает их боевыми гирями, т. е. гирями от кистеней.⁶⁸ Грузик найден в третьем слое (рис. 22в).

Свообразен медный нож. Форма его листовидная, лезвие тупое. В плоской рукояти прорезаны четыре круглых отверстия. Рукоять, составляющая с лезвием один кусок меди, покрыта орнаментом в виде звериных голов (ЧВ-4, длина 0.095 м). Нож мог служить для линовки пергамена. Других предположений пока нет. Найден он во втором слое (рис. 21ж).

Медная пластинчатая фигурная пластинка является, судя по ее форме, застежкой от книжного переплета (ЦМ-3, длина 0.045 м). Найдена она в первом слое, но попала туда, вероятно, из перекопа: слишком типичны для древней Руси покрывающие ее циркульный и городчатый орнаменты (рис. 21е).

Медная прорезная пластинка, служившая, вероятно, накладкой на шкатулку или переплет, любопытна по своему узору, представляющему узлы ленты, образующей петли на фоне кольца (РГ-11, длина 0.034 м). Это плетенка, хорошо представленная в новгородских книжных орнаментах. Аналогии данному ее варианту имеются в Цветной Триоди Ладожского Малышевского монастыря 1311 г.⁶⁹ и в одной новгородской псалтыри XIV в.⁷⁰ Пластинка найдена в третьем слое (рис. 22г).

Из пряжек особо должны быть отмечены столь типичные для курганов Новгородской земли круглые нагрудные пряжки (с поперечной иглой), их две. Целиком сохранилась одна, она рубчатая, и на концах ее шишечки (ХК-7, диаметр 0.03 м), курганные ей аналогии А. А. Спицын датирует XIV в.,⁷¹ найдена она

⁶⁷ В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Известия ГАИМК, вып. 73, Л., 1933, стр. 45, рис. 9.

⁶⁸ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. 5. Эпоха славянская, 1902, стр. 30, табл. IV, рис. 203—204.

⁶⁹ Стасов. Ук. соч., табл. LXV, рис. 8.

⁷⁰ Там же, табл. LXX, рис. 8.

⁷¹ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903, стр. 29, табл. XXIV, рис. 12.

в избе игрушечника, непосредственно под засыпкой 1335 г. От второй пряжки сохранился обломок, она трехгранная с загнутыми концами (ЦВ-11), курганные ей аналогии А. А. Спицын датирует XI—XII вв.,⁷² найдена она в нижнем горизонте, ниже избы сапожника. Есть еще четыре мелкие пряжки простых очертаний.

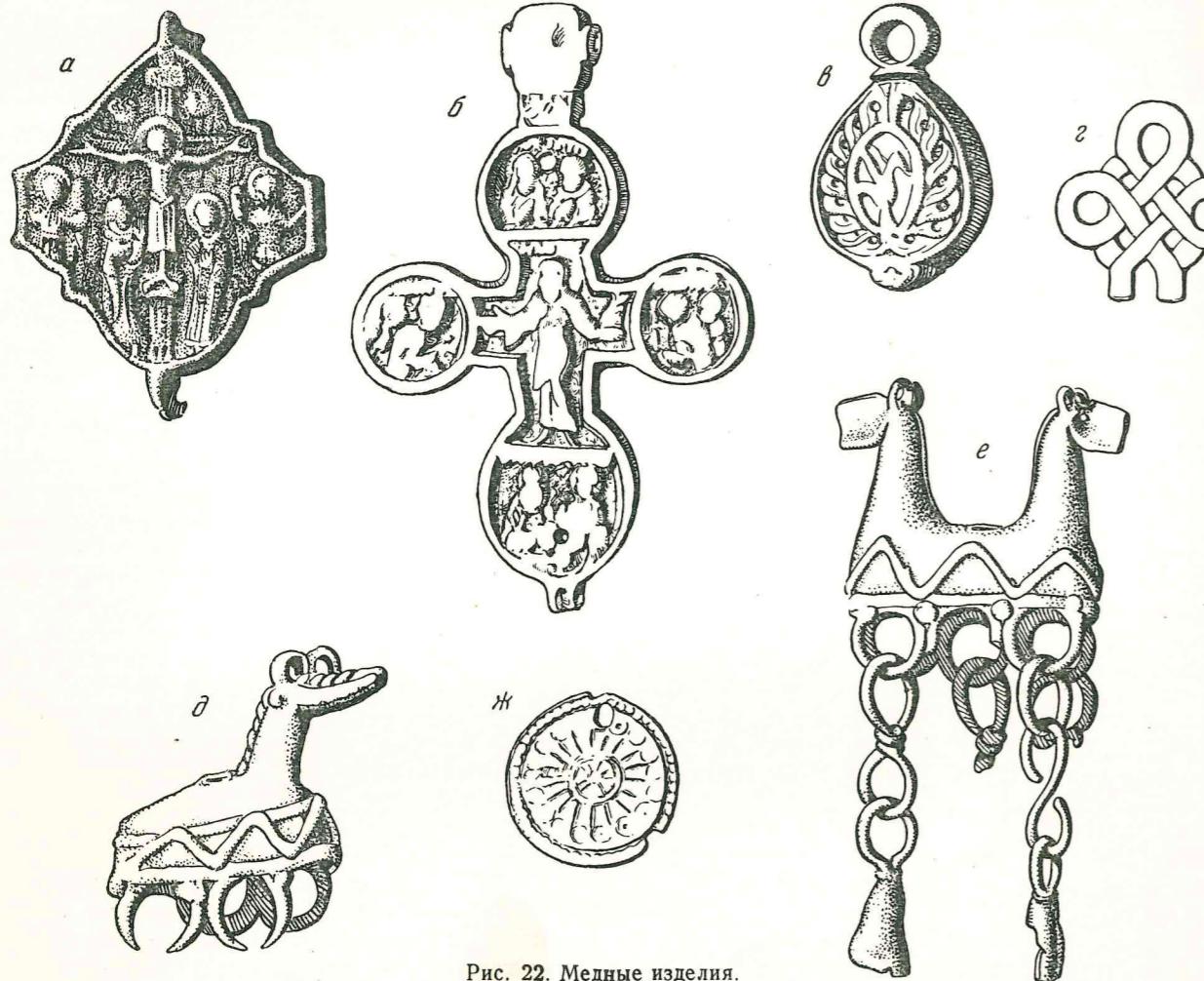

Рис. 22. Медные изделия.

Лировидных пряжек, столь распространенных в древней Руси, пока не найдено.

Медных пуговиц встречено 6, все они сферические.

Можно отметить медную булавку с зубчатой головкой (УМ-8, длина 0.08 м).

Среди найденных женских украшений курганных типов выделяются две шумящие привески в виде коньков. Шумящие привески сначала считались в археологии принадлежностью финского наряда, но давно уже доказано, что они широко распространены также у новгородских славян и у восточных кривичей. Можно даже говорить о специфически славянских типах данных привесок, и с одним из них мы здесь имеем дело. Это полые коньки; А. А. Спицын

⁷² А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 29, табл. XXII, рис. 3.

называет их полыми уточками, различить коней от птиц в подобных стилизованных изображениях трудно, но морды скорее конские. Первая привеска (рис. 22d) имеет одну острую морду с прорезными ушами и конской гривой в виде рубчатой полоски. Снизу ее окаймляет рельефный зигзаг, ниже идут че-

зигзаг в основании фигурки, звеня и грузики цепочек.⁷³ Это тип славянский: у камской чуди, у окской мордовы и т. д. шумящих привесок хотя и много, но они совершенно другие. В Эстонии описанные коньки встречаются редко и считаются привозными с востока.⁷⁴ Вне Новгородской земли только в костромских славянских курганах их довольно много, но и там они не очень типичны.⁷⁵ В виде редчайших исключений они доходят до Киевской земли,⁷⁶ до Владимирской земли⁷⁷ и до Камы.⁷⁸ Итак, описанные фигурки надо признать характерными для искусства новгородской деревни. Коньки, близкие к нашим, А. А. Спицын датирует XIII в.⁷⁹ Обе эти привески лежали в избе игрушечника, под слоем засыпки 1335 г. Связывать их нахождение со специальностью хозяина избы нельзя, он делал совершенно иные вещи, а эти коньки носились, вероятно, в его семье в качестве женских украшений.

В той же избе оказались еще две цепочки с грузиками от таких же привесок (ХЛ-7, длина 0.035 м, ФК-7, длина 0.04 м) и два таких раздвоенных грузика отдельно (ФК-7, длина 0.02 м, ХК-7, длина 0.015 м). Вне данного сруба эти деревенские украшения не встречены.

Круглая монетовидная привеска (ХИ-6, диаметр 0.03 м) покрыта тисненым узором в виде розетки из 18 лепестков, в конце каждого лепестка помещен циркульный кружок. Очень похожие привески с такой же розеткой и такими же циркульными кружками на концах лепестков найдены в одном из владимирских курганов⁸⁰ и в городе Сураже, Брянской области⁸¹ (ни условия находки, ни дата в обоих случаях не известны). Описываемый предмет найден все в той же избе игрушечника, столь богатой находками, под засыпкой 1335 г. (рис. 22ж).

Можно отметить еще одну привеску, в форме ореха, со штриховым орнаментом (ФЕ-4, длина 0.03 м).

Трехбусинное височное кольцо (СЗ-13, диа-

⁷³ А. А. Спицын. Курганы С. Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20. СПб., 1896, стр. 21, табл. VIII, рис. 18 и 19; см. также А. А. Спицын. Гдовские курганы, табл. XXIV, рис. 21.

⁷⁴ Н. Моога. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, Abb. 53, 4.

⁷⁵ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, М., 1899, табл. 3.

⁷⁶ Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., табл. XVI, рис. 380.

⁷⁷ А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 467.

⁷⁸ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. Материалы по археологии восточных губерний. Т. III, М., 1899, табл. 12, рис. 7.

⁷⁹ А. А. Спицын. Гдовские курганы, стр. 26.

⁸⁰ А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 194.

⁸¹ Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., табл. XVII, рис. 368.

метр 0.03 м) поломано. Бусы гладкие и шарообразные, они отлиты вместе с кольцом. Литейную форму для производства таких украшений я нашел в курганном погребении XIII—XIV вв. в Митяеве в Московской области.⁸² Описываемое кольцо найдено на очень большой глубине, но возле жомов, оно могло попасть туда в XIV в. при их засыпке.

Медных проволочных простых колец найдено 22.

Кусок медной проволоки завит в две пряди и является, повидимому, заготовкой для производства браслетов (СГ-12, длина 0.08 м).

Медные витые браслеты с петлями на концах, столь типичные для поздних русских деревенских курганов, встречены трижды, все в обломках. Один из них (ХК-6) тройной (из проволоки, сложенной втрое), другой (СД-13) четверной, третий (ФЕ-5) витой 2 × 3. Первые два типа появились в XIII в., третий в XIV в.⁸³ Условия находки новгородских славянских браслетов этому не противоречат. Тройной браслет найден в избе игрушечника, непосредственно под слоем засыпки 1335 г. Четверной браслет, хотя и оказался на большой глубине, но возле жомов, и попал туда, вероятно, при их засыпке в том же году. Наконец, браслет 2 × 3 лежал во втором слое.

Все вещи, найденные при раскопках в Новгороде на Славне, хранятся в Историческом музее в Москве. На них составлены описи. Вещи 1932 г. включены в инвентарь под № 75131, вещи 1934 г. под № 77623, вещи 1936 г. под № 78439, вещи 1937 г. под № 78681.

Раскопки на Славне заложили основы археологии Новгорода. Счастливое установление дневного уровня 1335 г. позволило точно датировать ряд сооружений и вещей и наметить хронологическую шкалу для новгородских городских слоев. Найдки вещей, возраст которых известен, все уложились в эту шкалу. Каменная стена 1335 г. меняет представления о древнерусской фортификации. Вскрытые ремесленные мастерские XII—XIII вв. характеризуют облик ремесленного города и дают ценные материалы по истории техники. Материальная культура Новгорода вечевой эпохи изучена на Славне впервые и всесторонне, найдены первоклассные образцы орудий труда и произведения прикладного искусства. Есть оружие, печати с надписями и многое другое. Сохранность дерева позволила изучить деревянное строительство. Городские погребения с монетами XV в. тоже являются новой научной темой. От раскопок на Славне экспедиция перешла к раскопкам на Ярославовом Дворище, где еще яснее стала высота культуры древнего Новгорода.

⁸² А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы. Труды Секции археологии, V, М., 1930.

⁸³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 10—12, 136—150, рис. 1, 2 и 3.